Борис [illegible] 1855-?

КОСМОЛОГІЯ

или

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О МІРѢ.

(По B. Bowne'y).

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

О пространствѣ и времени.

АРХИМАНДРИТА БОРИСА

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій п., д. Пустошкина.
противъ Англійской церкви.
1888.

Труды 1888
„Про
В.4160
Бар

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 20 Іюня 1888 года.

Ректоръ Академіи Епископъ *Христофоръ*.

БИБЛИОТЕКА
V 456
32

КОСМОЛОГІЯ

ИЛИ

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ О МІРѢ

(по B. Bowne'y).

О предметѣ и задачахъ космологіи.

1. Космологія, или метафизическое ученіе о мірѣ, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе основныхъ законовъ космическаго обнаруженія бытія и его процессовъ. Это обнаруженіе и его законы невозможно вывести чисто спекулятивнымъ путемъ изъ онтологическихъ идей. A priori нѣтъ перехода отъ онтологіи къ космологіи. Для открытія какъ частныхъ, такъ и общихъ законовъ и формъ космическаго обнаруженія реальности необходимо обращаться къ опыту. Данныя для построенія космологіи представляетъ та теорія матеріальнаго міра, которой люди придерживаются въ обыденномъ и научномъ мышленіи. Космологія должна сдѣлать предметомъ критическаго разсмотрѣнія эту теорію, съ цѣлью видѣть, можетъ ли она, и если можетъ, то въ какой мѣрѣ, стать достояніемъ раціональной системы мысли. Тщательный

анализъ этой теоріи покажетъ, какія въ ней нужно произвести исправленія, чтобы составныя ея идеи сдѣлать согласными между собою и съ требованіями разума.

2. Основныя идеи, которыя входятъ въ составъ обычной теоріи матеріальныхъ вещей, суть слѣдующія: пространство, время, движеніе, матерія, сила и связь явленій природы. Какъ должно понимать эти идеи, соотвѣтствуютъ ли онѣ какимъ либо свойствамъ и отношеніямъ вещей въ себѣ, или же представляютъ собою нѣчто призрачное, простыя иллюзіи нашего духа, вообще какой смыслъ и значеніе онѣ имѣютъ,— таковы главныя проблеммы космологіи относительно этихъ идей. Наиболѣе общія изъ перечисленныхъ идей суть пространство и время, такъ какъ никакое космическое обнаруженіе бытія не мыслится внѣ этихъ двухъ формъ. Поэтому, космологія должна прежде всего подвергнуть изслѣдованію эти двѣ идеи.

О пространствѣ.

1. Постановка проблеммы о пространствѣ.—2. Три различныя воззрѣнія на пространство.—3. Критика понятія о пространствѣ, какъ особаго рода реальности.—4. Воззрѣніе на пространство, какъ на порядокъ отношеній между вещами, и его критика.—5. Пространство, какъ форма воззрѣнія. Доказательства субъективности пространства.—6. Сравнительная оцѣнка различныхъ взглядовъ на пространство.—7. Отношеніе Безконечнаго къ пространству.—8. Доктрина о неопредѣленномъ числѣ измѣреній пространства.—9. Единство пространственнаго воззрѣнія.

1. По обычному воззрѣнію, міръ помѣщается въ пространствѣ и имѣетъ свою исторію во времени. Пространство и время составляютъ нѣчто вродѣ предварительныхъ условій или основныхъ формъ всякаго космическаго проявленія. Вещи, находящіяся въ про-

странствѣ и времени, могутъ быть совершенно различными. Въ мысли возможны многія совсѣмъ особенныя системы вещей; но для всѣхъ нихъ одинаково пространство и время были бы обусловливающими принципами. Таково положеніе, которое пространство и время занимаютъ въ обыденной мысли. Сначала обратимъ вниманіе на пространство и именно займемся слѣдующими двумя вопросами относительно его: какова метафизическая природа пространства, и какъ оно относится къ вещамъ, которыя считаются помѣщенными въ немъ? Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о психологическомъ генезисѣ идеи пространства, какъ не относящійся къ поставленной проблеммѣ. Происхожденіе и исторія идеи ничего не рѣшаютъ относительно ея значенія и цѣнности, послѣ того какъ она уже явилась; значеніе идеи можетъ быть опредѣлено только путемъ изслѣдованія ея содержанія, какъ оно дано въ сознаніи. Ни геометрическія, ни метафизическія свойства пространства не могутъ быть раскрыты посредствомъ физіологическаго или психологическаго анализа идеи пространства.

2. Что же такое пространство, разсматриваемое, какъ объектъ? Возможны три воззрѣнія на него: 1) Мы можемъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто совершенно sui generis, независимое отъ всѣхъ вещей и отъ всего, что мы разумѣемъ подъ бытіемъ; 2) Мы можемъ смотрѣть на него, какъ на особенный порядокъ отношеній между вещами, независимый ни отъ чьей мысли; т.-е. мы можемъ мыслить его, какъ систему объективныхъ отношеній; 3) Мы можемъ смотрѣть на него, какъ только на форму воззрѣнія. Послѣдній взглядъ представляетъ два видоизмѣненія. Мы можемъ смотрѣть на эту форму, какъ на слѣдствіе умственнаго принципа, заложеннаго въ самой природѣ души; но также можно смотрѣть на нее, какъ

на продуктъ ассоціаціи, вызванной чувственнымъ опытомъ. Въ послѣднемъ случаѣ идея пространства не соотвѣтствуетъ никакому объективному факту и не составляетъ слѣдствія какого-нибудь закона мысли, а представляетъ чисто субъективное явленіе. Таковъ взглядъ Милля, Бэна и Гербарта. Послѣдній въ особенности старается доказать, что всякое существо, способное имѣть представленія, должно выработать пространственное воззрѣніе, какъ необходимый продуктъ психологическаго механизма. Другой взглядъ, по которому пространство есть апріорный принципъ познанія, принадлежитъ Канту. Но такъ какъ оба эти взгляда согласны между собою въ утвержденіи субъективности пространства, то мы не будемъ разсматривать ихъ отдѣльно, а обратимъ вниманіе на болѣе общій вопросъ касательно выбора между субъективностью и объективностью пространства.

3. На первый взглядъ кажется вѣрнымъ первое изъ трехъ упомянутыхъ воззрѣній. Пространство — не вещь, но мѣсто для вещей, и, какъ такое, оно составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; потому что вещи должны имѣть мѣсто, чтобы существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ пространство не есть ничто, но особенный родъ существованія, который можетъ быть описанъ только чертами, ему самому принадлежащими. Нѣчто и ничто, въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ словъ, не составляютъ между собою полной противоположности, потому что между ними возможно нѣчто среднее, именно пространство. Таковъ взглядъ здраваго смысла, и этотъ взглядъ, повидимому, оправдывается самымъ простымъ наблюденіемъ. Онъ находитъ свое выраженіе въ часто употребляемой фразѣ, что если бы все бытіе исчезло, пространство все-таки осталось бы неизмѣннымъ со всѣми своими свойствами. Наполненное или пустое, простран-

ство остается однимъ и тѣмъ же неизмѣнно и вѣчно; потому что хотя пространство обусловливаетъ собою бытіе, но бытіе не обусловливаетъ пространства. Пространство — не система отношеній, потому что отношенія измѣняются, между тѣмъ какъ пространство неизмѣнно. Оно не составляетъ и свойства вещей, потому что не зависитъ отъ вещей. Оно не можетъ быть отожествляемо съ какой-нибудь дѣйствительной формой, потому что скорѣе оно есть безформенный принципъ всякой формы. Оно представляетъ таинственную основу всѣхъ формъ и отношеній, но не тожественно ни съ одной и ни съ однимъ изъ нихъ. По этому взгляду, составляющему воззрѣніе громаднаго большинства людей, пространство представляется какой-то безграничной и независимой необходимостью, которой должно подчиняться все въ мірѣ.

На первый взглядъ это воззрѣніе кажется яснымъ, какъ день; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, оно оказывается полнымъ затрудненій. Начнемъ съ того, что представленіе о пространствѣ, какъ о всесодержащей формѣ, есть метафора, заимствованная изи нашего чувственнаго опыта. Формы всегда должны быть формами чего-нибудь, и когда нѣтъ реальности, которая бы опредѣляла собою форму, то форма существуетъ лишь въ воображеніи. Когда какой-нибудь сосудъ содержитъ въ себѣ воду, то не форма содержитъ воду, но сосудъ, и если мы уничтожимъ реальность послѣдняго, тогда не останется болѣе ничего содержащаго. Поэтому, пространство, какъ все содержащая форма, есть просто фикція. Безполезно было бы указывать на то, что форма въ данномъ случаѣ есть форма пространства, потому что это значило бы признавать, что пространство, просто какъ форма, ничто. Далѣе, утверждаемая реальность про-

странства не можетъ быть допущена безъ противорѣчія съ самимъ пространственнымъ воззрѣніемъ, потому что пространство, какъ реальное, должно подлежать закону реальности вообще. Но въ обыденной мысли отъ пространства отличаются, съ одной стороны, вещи, а съ другой—ничто, и въ этомъ отношеніи здравый смыслъ гораздо болѣе раціоналенъ, чѣмъ философія, которая утверждаетъ, что пространство просто ничто, а потомъ отличаетъ его отъ всякаго другаго ничто, приписываетъ ему аттрибуты и признаетъ его существованіе. Но если допустить это различеніе между пространствомъ и ничѣмъ, то пространство должно быть способно нѣкоторымъ путемъ утверждаться въ качествѣ опредѣляющаго фактора въ системѣ вещей. Какой бы безыменный или невыразимый субстратъ мы не предположили для пространства, этого требованія нельзя избѣжать. Напрасно кто-нибудь возразилъ бы, что нѣчто и ничто не составляютъ полной противоположности, потому что не можетъ быть никакого основанія для допущенія въ систему мысли реальностей, которыя завѣдомо ничего не дѣлаютъ и потому могутъ быть познаны только посредствомъ откровенія, или чистымъ актомъ вѣры. Чтобы избѣжать этого абсурда, мы должны приписать пространству дѣятельность и смотрѣть на него, какъ на особенный родъ вещи, находящейся во взаимодѣйствіи съ другими вещами. Безъ этого невозможно отличить пространства отъ чистаго ничтожества, такъ что утвержденіе его существованія становится нелѣпымъ. Если пространство реально, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ безсильная пустота, а только какъ нѣчто дѣятельное. Но это заключеніе ставитъ идею пространства въ противорѣчіе съ ней самой, потому что пространство не вещь, а мѣсто для вещей.

Далѣе, пространство называется условіемъ вещей и ихъ дѣятельностей. Но это выраженіе получаетъ смыслъ только тогда, если пространство обладаетъ способностью дѣйствія и такимъ образомъ подходитъ подъ понятіе самой вещи; потому что всякая вещь, которая обусловливаетъ другую вещь, должна дѣйствовать на нее. Иногда дѣлаютъ попытку избѣжать этого заключенія, провозглашая пространство отрицательнымъ условіемъ существованія. Если бы не было никакого мѣста для вещей, то онѣ не могли бы быть созданы. Но это утвержденіе означаетъ только то, что для того, чтобы вещь могла существовать, ея существованіе не должно быть предваряемо ничѣмъ, ее исключающимъ. Затрудненіе составляетъ вовсе не недостатокъ мѣста, но присутствіе положительнаго препятствія или сопротивленія. Если бы послѣднее было устранено, всѣ вещи могли бы сосуществовать въ одномъ пунктѣ. Говорятъ, что пространство не динамически, а только логически опредѣляетъ собою вещи. Это понятно, когда пространство разсматривается, какъ принципъ познанія, а не какъ объективная реальность, но не иначе. Логическое опредѣленіе есть процессъ мысли и въ реальности должно быть замѣняемо динамическимъ опредѣленіемъ. Теперь, если пространство, какъ объективный фактъ, можетъ оказывать какое-нибудь вліяніе на вещи, оно должно дѣйствовать на нихъ и само быть предметомъ дѣйствія со стороны ихъ. Но это дѣлаетъ его вещію въ собственномъ смыслѣ слова и уничтожаетъ его характеръ, какъ пространства.

Заключеніе, что если пространство реально, то должно быть активнымъ, получается и съ другой точки зрѣнія. Протяженное тѣло существуетъ, только по скольку существуютъ его части, будемъ ли мы разсматривать тѣло, какъ состоящее изъ атомовъ, или

какъ непрерывное (сплошное). Если тѣло состоитъ изъ атомовъ, истина высказаннаго положенія очевидна сама собою; потому что тогда тѣло есть только аггрегатъ частей и существуетъ въ нихъ, точно такъ же, какъ число существуетъ только въ составляющихъ его единицахъ. Если же тѣло разсматривается какъ непрерывное, а не составное, то его существованіе въ пространствѣ позволяетъ намъ дѣлить его величину на различныя части, каждая изъ которыхъ существуетъ въ своемъ собственномъ пространствѣ и отлична отъ всѣхъ другихъ частей. Такимъ образомъ, тѣло, хотя и сплошное, оказывается интеграломъ своихъ частей и существуетъ, только по скольку существуютъ эти части. Но оно не можетъ существовать, какъ сумма этихъ частей, безъ допущенія взаимодѣйствія между ними. Чтобы часть B держалась между частями A и C, для этого она должна быть способной опредѣлять положеніе A и C относительно себя. То же самое вѣрно и для всѣхъ другихъ частей; и заключеніе выходитъ то, что протяженное тѣло, хотя и непрерывное, все-таки есть комплексъ взаимнодѣйствующихъ силъ. Это заключеніе остается въ силѣ, даже если тѣло недѣлимо; потому что такая недѣлимость основывалась бы не на истинномъ единствѣ вещи, а только на силѣ сцѣпленія между частями. Тѣло все-таки было бы системой взаимнодѣйствующихъ силъ. Поэтому, никакое тѣло, существующее протяженнымъ въ пространствѣ, не можетъ быть единицей. Всегда будетъ возможно различать отдѣльные пункты въ величинѣ вещи; и эти пункты могутъ держаться рядомъ и отдѣльно одинъ отъ другаго, только когда они дѣлаются центрами притягивательной и отталкивательной силъ. Но для того, чтобы вещь была настоящей единицей, она не должна допускать никакого различія частей и ника-

кихъ дѣятельностей, которыя суть дѣятельности только частей. Подобное соображеніе примѣнимо и къ пространству. Если пространство реально и протяженно, то отдѣльныя его части также должны быть реальными, и пространство не можетъ имѣть истиннаго единства. Оно должно быть интеграломъ или суммой, а его части должны быть его реальными слагаемыми. Безполезно было бы указывать на то, что пространство безконечно и потому не можетъ состоять изъ конечныхъ частей; потому что если пространство реально, каждая наименьшая мѣра есть реальная часть пространства. Могутъ сказать, что пространство непрерывно и что наши единицы мѣры суть только произвольныя дѣленія; но между каждыми двумя пунктами есть извѣстное продолженіе пространства, которое отлично отъ пространства, находящагося между какими-нибудь другими двумя пунктами. Отношеніе этихъ частей постоянно и неизмѣнно. Вещи могутъ перемѣнять свое мѣсто; но каждый пунктъ въ пространствѣ остается въ неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ каждому другому пункту пространства. Пространство, подобно времени, не можетъ быть ни измѣняемо, ни замѣняемо. Пунктъ *B* всегда будетъ находиться между *A* и *C*, и всѣ они одинаково неподвижны. Но если пространство реально, этимъ предполагается, что различные пункты опредѣляютъ положеніе одинъ другаго; и если это и значитъ занимать положеніе въ пространствѣ, то предполагается взаимодѣйствіе между пунктами. Такое утвержденіе представляетъ абсурдъ; но мнѣніе о реальности пространства необходимо приводитъ къ нему. Реальность пространства предполагаетъ реальность его частей; а невозможность взаимной замѣнимости этихъ частей можетъ основываться только на ихъ взаимномъ опредѣленіи. Обыкновенно говорятъ, что это опредѣленіе есть логи-

ческое; но логическое опредѣленіе существуетъ только въ мысли. Въ объективной реальности опредѣленіе должно быть динамическимъ.

Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали смотрѣть на попытку сдѣлать пространство реальнымъ и все-таки отличать его и отъ вещей, и отъ ничего,—она оказывается одинаково неудачной. Мы должны либо сдѣлать его чистымъ нулемъ въ дѣйствительности, либо сдѣлать его вещью, находящеюся во взаимодѣйствіи съ самой собою и съ другими вещами. Оба эти взгляда несостоятельны. Первый взглядъ основывается вообще на игрѣ словами, которая дѣлаетъ ничто равнымъ никакой вещи. На вопросъ: что осталось бы, если бы вещи исчезли? получается отвѣтъ: ничего. Но ничто въ этомъ случаѣ равно только никакой вещи, какъ видно изъ того факта, что мыслители, дающіе этотъ мудрый отвѣтъ, потомъ не колеблясь приписываютъ этому ничто различныя геометрическія свойства и утверждаютъ его существованіе. Они не допускаютъ тожества ничего, какъ пространства, съ отсутствіемъ вещей или съ математическимъ нулемъ; а это показываетъ, что, называя пространство ничѣмъ, они все-таки при этомъ мыслятъ нѣкоторое неопредѣленное положительное существованіе, которое отлично отъ ничего и которое имѣетъ свои особенныя свойства. Но если мы смотримъ на пространство, какъ на чистое ничто, тогда нѣтъ никакого основанія для различенія его отъ всякаго другаго ничего; потому что если допустить многія ничто, всѣ они должны быть неразличимы между собою. Нѣтъ также никакого основанія для приписыванія ему какихъ-нибудь аттрибутовъ или для утвержденія его существованія; и то и другое было бы одинаково абсурдомъ.

Другой взглядъ, который дѣлаетъ пространство

вещью, находящеюся во взаимодѣйствіи съ самой собою и съ другими вещами, такъ же далекъ отъ обычнаго представленія о пространствѣ, какъ и ученіе объ его идеальности. Пространство ничего не опредѣляетъ; но вещи своимъ взаимодѣйствіемъ опредѣляютъ одна другую. Вещи, конечно, находятся въ пространствѣ; но пространство, занимаемое вещами, не дѣйствуетъ на нихъ, ни онѣ не дѣйствуютъ на него. Вещи и пространство сосуществуютъ во взаимномъ и абсолютномъ безразличіи. Это обычный взглядъ на отношеніе пространства и вещей. Ничто не было бы дальше отъ этого взгляда, какъ ученіе о томъ, что пространство имѣетъ дѣятельность и потому есть настоящая вещь. А наконецъ, если бы мы допустили такое странное мнѣніе, мы сразу стали бы въ противорѣчіе съ нашими обычными убѣжденіями касательно пространства и съ другой стороны. Пространство есть мѣсто для вещей, и вещи не могутъ быть поняты безъ пространства. Поэтому, если мы дѣлаемъ пространство вещью, мы имѣемъ надобность въ другомъ пространствѣ, въ которомъ оно можетъ существовать и которое уже не вещь. Когда мы мыслимъ пространство, какъ безыменное и невыразимое существованіе, мы не можемъ думать о его частяхъ, предполагаемыхъ его протяженностью, не допуская другаго пространства, въ которомъ первое существуетъ. Но этотъ взглядъ приводитъ насъ къ безконечному ряду или къ безконечному регрессу; потому что для каждаго пространства, разсматриваемаго, какъ вещь, мы должны допускать пустое пространство, въ которомъ первое могло бы находиться. Мы не можемъ, такимъ образомъ, смотрѣть на пространство ни какъ на чистое ничто, ни какъ на реальность. Первый взглядъ представляетъ абсурдъ, а послѣдній находится въ противорѣчіи съ самимъ собою.

Вторая трудность въ ученіи, признающемъ пространство реальнымъ, независимо отъ вещей, та, что оно неизбѣжно приводитъ къ дуализму первыхъ принциповъ. Если пространство есть реальность, независимо отъ вещей, то оно есть нѣчто несотворенное и вѣчное. Никто не станетъ утверждать настоящаго сотворенія пространства, понимаемаго, какъ безконечная пустота, потому что никакого смысла нельзя соединить съ этимъ выраженіемъ, и тѣ мыслители, которые признавали сотвореніе пространства, большею частію оставляли обыкновенное понятіе о немъ, а смотрѣли на него, какъ на систему отношеній между вещами или какъ на свойство вещей. Въ такомъ случаѣ сотвореніе вещей было бы вмѣстѣ сотвореніемъ и пространства. Но обычное понятіе о независимомъ пространствѣ противорѣчитъ идеѣ о его сотвореніи, потому что насъ постоянно преслѣдовала бы необходимость допускать предварительное пространство для принятія сотвореннаго пространства. Поэтому, въ обыденномъ мышленіи пространство всегда представлялось одной изъ вѣчныхъ и независимыхъ необходимостей, которой даже самъ Богъ не можетъ избѣжать. Но этотъ взглядъ противорѣчитъ необходимому единству основной реальности. Многіе предлагали смотрѣть на пространство и время, какъ на взаимно независимые принципы, а равно независимые и отъ Бога. Матеріалисты смотрятъ на пространство, время и матерію, какъ на взаимно независимыя и вѣчныя существованія. Но всѣ начала и всякое проявленіе должны одинаково проистекать отъ Абсолютнаго, которое должно быть одно. Если бы мы признали рядомъ съ Абсолютнымъ нѣчто отъ Него независимое, то послѣднее не могло бы обнаружиться въ нашей системѣ вещей безъ взаимодѣйствія съ Абсолютнымъ. Но это дѣлало бы и то и другое за-

висимымъ и заставляло бы насъ предположить нѣкоторое другое существо, высшее двухъ первыхъ, какъ ихъ общій источникъ или основу. Мы не можемъ, поэтому, смотрѣть на пространство и бытіе, какъ взаимно независимыя; потому что въ томъ случаѣ, если пространство должно имѣть какое-нибудь вліяніе на систему вещей, пространство и бытіе должны быть во взаимодѣйствіи. Но это уничтожало бы независимость ихъ обоихъ и въ то же время дѣлало бы пространство активною вещью, а не пространствомъ. Конечно, могутъ найтись лица, которыя скажутъ, что единственное отношеніе между пространствомъ и бытіемъ состоитъ въ томъ, что бытіе находится въ пространствѣ; но если они взаимно независимы, то существованіе въ пространствѣ не можетъ имѣть никакого значенія для бытія. Бытіе и пространство были бы совершенно индифферентны одно къ другому, и не было бы никакой возможности для связи между ними. Въ этомъ случаѣ никакого смысла нельзя соединить съ положеніемъ, что бытіе находится въ пространствѣ. Но нелѣпо говорить о бытіи, какъ зависящемъ отъ пространства; поэтому, мы должны смотрѣть на пространство, какъ зависящее отъ бытія; съ другой стороны, невозможно считать пространство, понимаемое въ смыслѣ протяженной пустоты, сотвореннымъ или зависящимъ. Поэтому, пространство не можетъ быть разсматриваемо, какъ такая пустота, но должно быть въ нѣкоторомъ смыслѣ принципомъ бытія. Вмѣсто того, чтобы говорить, что бытіе находится въ пространствѣ, мы должны скорѣе сказать, что пространство находится въ бытіи. Нельзя разсматривать пространство, какъ самостоятельную реальность, потому что невозможно допустить существованія болѣе, чѣмъ одной основной и независимой реальности. Все остальное есть слѣдствіе этой одной

реальности или какъ твореніе, или какъ принципъ дѣятельности и проявленія. Но пространство, какъ оно вообще понимается, не допускаетъ творенія. Если, поэтому, популярная мысль правильно понимаетъ содержаніе пространственной идеи, мы можемъ смотрѣть на пространство, только какъ на нѣкоторый принципъ въ бытіи.

Послѣднее возраженіе противъ реальности пространства, которое заслуживаетъ вниманія, основывается на единствѣ бытія. Если пространство имѣетъ объективно реальное существованіе, тогда Абсолютное, или Богъ, находится въ пространствѣ и обладаетъ протяженіемъ; потому что все, что существуетъ въ пространствѣ, должно существовать или какъ пунктъ, или какъ протяженная величина, и такъ какъ никто не вздумалъ бы приписывать Богу существованіе въ одномъ пунктѣ, то ничего не остается, какъ приписать Ему протяженную величину. Но мы видѣли, что ничто, имѣющее величину въ пространствѣ, не можетъ быть единицей. Въ величинѣ такой вещи всегда могутъ быть различаемы пункты и слагаемыя величины, и такимъ образомъ вещь оказывается составленною изъ частей. Но такое понятіе, будучи примѣнено къ Абсолютному, уничтожаетъ и Его единство, и Его вездѣприсутствіе. Что вездѣсуще въ пространствѣ, то не можетъ быть протяженнымъ въ пространствѣ, потому что такая протяженность означала бы только присутствіе каждой части существа въ соотвѣтствующей ей части занимаемаго пространства. Философія не можетъ примирить необходимаго единства Абсолютнаго съ существованіемъ Его въ пространствѣ, а богословіе не можетъ примирить своего понятія о непространственномъ образѣ божественнаго существованія съ существованіемъ въ пространствѣ. Но если пространство

реально, оно должно быть безконечнымъ, и Богъ долженъ существовать въ пространствѣ; затѣмъ должны слѣдовать указанныя заключенія. Эти заключенія въ особенности примѣнимы къ понятію о пространствѣ Ньютона и Клярка. Они сдѣлали его аттрибутомъ Бога; а Кларкъ построилъ на этомъ понятіи теистическій аргументъ. Но этотъ взглядъ просто утверждаетъ протяженность Бога и ведетъ къ упомянутымъ трудностямъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній необходимо признать, что пространство не имѣетъ реальнаго существованія. Взглядъ, по которому пространство реально и именно есть мѣсто, въ которомъ находятся вещи, этотъ взглядъ, казавшійся сначала яснымъ, какъ день, оказывается по изслѣдованіи въ высшей степени неяснымъ и несостоятельнымъ.

4. Трудности, заключающіяся въ обычномъ понятіи о пространствѣ, заставили многихъ мыслителей замѣнить его вторымъ изъ упомянутыхъ взглядовъ, по которому пространство есть извѣстный порядокъ отношеній между вещами. Они признаютъ, что пространство, независимо отъ вещей, ничто, и что, поэтому, если бы вещи исчезли, тогда собственно ничего не осталось бы. Но вещи находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ между собою, и сумма или система этихъ отношеній составляетъ пространство. Вещи, поэтому, существуютъ не въ пространствѣ, но въ пространственныхъ отношеніяхъ и съ пространственными свойствами. Путемъ абстракціи отъ этихъ отношеній и свойствъ мы приходимъ къ понятію объ единомъ пространствѣ. Но хотя пространство, такимъ образомъ, зависитъ отъ вещей, эти отношенія и свойства вещей совершенно не зависятъ отъ нашего мышленія. Этотъ взглядъ, слѣдовательно, сходенъ съ предшествующимъ въ томъ, что считаетъ упомянутыя

отношенія независимыми отъ ума, а существующими объективно между вещами.

Разсматриваемый взглядъ имѣетъ различныя формы, но во всѣхъ нихъ онъ не можетъ отдѣлаться отъ предыдущаго воззрѣнія. — Когда пространство опредѣляется, какъ взаимная обособленность вещей, то, чтобы понять, что это означаетъ, мы должны обратиться къ обыкновенному воззрѣнію на пространство. Есть обособленность, которая не пространственна, именно обособленность индивидуальности. Можно представить себѣ, что различные элементы такъ должны относиться одинъ къ другому, чтобы сосуществовать въ одномъ и томъ же пунктѣ въ пространствѣ; дѣйствительно, часто предлагали смотрѣть на химическія соединенія, какъ на такое именно проникновеніе. Въ такомъ случаѣ была бы не пространственная инаковость индивидуальности. Взаимная отдѣльность или обособленность душъ также, хотя обыкновенно представляется, какъ пространственная, собственно есть только отдѣльность личности. Если, теперь, мы хотимъ знать, что такое эта взаимная отдѣльность вещей, которая составляетъ пространство, мы должны смотрѣть на нее, какъ на отдѣльность различныхъ пунктовъ въ пространствѣ. Далѣе, пространственныя отношенія между вещами представляютъ отношеніе не вещей, но пространствъ, въ которыхъ вещи существуютъ; а вещи, существуя въ этихъ пространствахъ, участвуютъ въ неизмѣнныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между послѣдними. Пространственныя отношенія не измѣняются, но вещи измѣняютъ свои пространственныя отношенія. Въ этомъ отношеніи вещи подобны безформенной реальности Платона, которая переходитъ изъ формы въ форму, между тѣмъ какъ формы и ихъ отношенія постоянны и вѣчны. Мы не можемъ, поэтому, отожествлять про-

странство съ какой-нибудь дѣйствительной системой отношеній между вещами, потому что это дѣлало бы пространство постоянно измѣняющимся. Это также исключало бы безчисленное множество возможныхъ пространственныхъ отношеній, которыя не осуществляются. Пространство включаетъ въ себѣ всѣ дѣйствительныя отношенія, но оно включаетъ въ себѣ также всѣ возможныя отношенія. Оно не есть какая-нибудь частная фигура, разстояніе или направленіе, потому что они индивидуальны и измѣнчивы; оно есть скорѣе основной принципъ всякой фигуры, всякаго разстоянія и всякаго направленія, который всѣ ихъ одинаково обусловливаютъ собою, но не можетъ быть отожествляемъ съ нѣкоторыми изъ нихъ или со всѣми ими. Чтобы понять, что могутъ означать эти пространственныя отношенія, мы должны возвратиться къ нашему обычному понятію о пространствѣ; и если эти отношенія объективно реальны, пространство также объективно реально. Поэтому, мнѣніе, что пространство есть только система объективныхъ отношеній между вещами, не соотвѣтствуетъ цѣли своего изобрѣтенія, но implicite предполагаетъ объективное и независимое пространство. Оно падаетъ вмѣстѣ съ своей опорой.

Этотъ взглядъ несостоятеленъ еще и потому, что отношенія, какъ такія, неспособны къ объективному существованію. Если пространство есть только система отношеній, оно необходимо должно быть субъективнымъ. Заблужденіе здѣсь понятно. Существуютъ многія отношенія между объектами мысли, кажущіяся всеобщими, и такъ какъ они существуютъ для всѣхъ людей одинаково, то мы говоримъ, что они существуютъ независимо отъ ума. Мыслимыя или немыслимыя, одни и тѣ же отношенія существуютъ между реальностями. Но все, что мы мо-

жемъ разумѣть подъ этимъ, состоитъ въ томъ, что существованіе этихъ отношеній всегда будетъ утверждаемо, какъ скоро будутъ воспринимаемы или понимаемы ихъ объекты. Здравый смыслъ дѣлаетъ подобный выводъ относительно внѣшнихъ качествъ вещей, утверждая, что они существуютъ независимо отъ того, воспринимаются или нѣтъ. Но внѣ всякаго сомнѣнія, что этотъ взглядъ не вѣренъ. Мы знаемъ теперь, что о внѣшнихъ качествахъ вещей нельзя сказать ничего болѣе, какъ то, что они будутъ всегда воспринимаемы, какъ скоро будетъ на лицо соотвѣтствующій организмъ. Мы не можемъ сказать, что вещи сами въ себѣ теплы или холодны, бѣлы или черны и т. д., но только, что всѣ эти качества всегда будутъ являться въ сознаніи при извѣстныхъ условіяхъ, которыя не индивидуальны, но всеобщи. Получая воспріятія, мы обыкновенно бываемъ увѣрены, что всѣ воспринимающія существа будутъ утверждать существованіе однихъ и тѣхъ же отношеній между объектами воспріятія, и эту увѣренность мы выражаемъ, говоря, что неизмѣнныя отношенія независимы отъ всякой мысли. Но такой взглядъ совершенно не состоятеленъ. Объективно существуютъ только вещи и ихъ взаимодѣйствія. Все остальное приписывается реальности умомъ. Умъ сопоставляетъ свои объекты такъ, какъ онъ ихъ понимаетъ. Но актъ сопоставленія и установленное отношеніе чисто субъективны, и отношеніе существуетъ только въ сопоставляющемъ умѣ. Оно не представляетъ собою какого-нибудь онтологическаго предиката вещей, но только отраженіе ихъ въ мысли. Объ отношеніяхъ вещей можно сказать то же, что и объ отношеніяхъ чиселъ. Независимо отъ ума нѣтъ и не можетъ быть никакого числа. Простая и безотносительная единица лишь можетъ существовать сама по себѣ. Единица

дѣлается числомъ только чрезъ слагающій актъ сознающаго духа; и если число, какъ такое, существуетъ лишь въ сознаніи, то тѣмъ болѣе свойства, которыя ему приписываются, существуютъ только въ сопоставляющемъ умѣ. Каждая вещь, поставляемая въ извѣстное отношеніе, должна существовать независимо отъ нашей мысли, а отношеніе ея существуетъ лишь въ мысли. Упущеніе изъ виду этого факта лежитъ въ основѣ многихъ затрудненій греческихъ софистовъ. Такъ, «больше» или «меньше» суть предикаты, которые принадлежатъ какому-нибудь предмету, только когда онъ сравнивается съ другими предметами. Говорить о безотносительномъ больше или меньше совершенно нелѣпо. Софисты упустили изъ виду этотъ фактъ и потому были очень затрудняемы такими проблеммами, какъ слѣдующая: если В больше, чѣмъ А, и меньше, чѣмъ С, то В должно быть въ одно и то же время и больше, и меньше. Отсюда каждая вещь представляетъ противорѣчіе. Но самая блестящая діалектика такого рода лишается всякаго значенія, когда мы вспомнимъ, что отношенія существуютъ только въ сопоставляющемъ вещи умѣ. Само по себѣ В ни больше, ни меньше, чѣмъ А или С; оно просто и только есть В. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно можетъ быть таково, что когда А, В и С понимаются совмѣстно и сравниваются между собою, тогда во всѣхъ умахъ возникаетъ сужденіе, что В больше, чѣмъ А, и меньше, чѣмъ С.

Эта необходимая субъективность отношеній должна быть тщательно отличаема отъ ученія, дѣлающаго ихъ индивидуальными или произвольными. Она допускаетъ возможность того, что объекты мысли такъ сопоставляются, что могутъ быть установлены только извѣстныя отношенія между ними, какъ бываетъ съ числами и геометрическими фигурами. Такимъ образомъ,

отношенія, хотя и субъективны, могутъ быть въ то же время необходимыми. Равно возможно, что объекты мысли могутъ быть таковы, что всякій разъ, какъ они понимаются какимъ бы то ни было умомъ, должны быть устанавливаемы одни и тѣ же отношенія. Такимъ образомъ, отношенія, хотя и субъективны, могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщими. Изъ этой субъективности слѣдуетъ только то, что нельзя говорить объ отношеніяхъ, какъ объективно существующихъ. Что вѣрно объ отношеніяхъ вообще, то должно быть вѣрно и о пространственныхъ отношеніяхъ. Насколько пространство есть система отношеній, оно имѣетъ только субъективное существованіе. Если пространственныя отношенія имѣютъ объективное существованіе, они должны быть болѣе, чѣмъ отношеніями; они должны быть рядомъ взаимодѣйствій между вещами. Но въ такомъ случаѣ мы должны отрицать безразличіе вещей къ пространству и возвратиться ко взгляду, который дѣлаетъ пространство активнымъ. Мы должны, такимъ образомъ, отвергнуть мнѣніе, что пространство есть рядъ объективныхъ отношеній между вещами. Пространство не есть ни реальная вещь, ни онтологическій предикатъ вещей.

5. Такъ какъ два первые взгляда на природу пространства оказались несостоятельными, то мы, кажется, приводимся къ третьему взгляду, по которому пространство есть форма воззрѣнія, а не модусъ существованія. Согласно съ этимъ взглядомъ, вещи не существуютъ въ пространствѣ и въ пространственныхъ отношеніяхъ, но *кажутся* существующими въ немъ. Сами по себѣ онѣ совершенно не пространственны, но, вслѣдствіе ихъ взаимодѣйствій между собою и съ умомъ, возникаетъ *видимость* міра протяженныхъ вещей въ общемъ пространствѣ. Пространственные предикаты, поэтому, принадлежатъ

только феноменамъ, а не вещамъ въ себѣ. Но если мы приводимся къ этому взгляду несостоятельностію другихъ взглядовъ, то своей, повидимому, поразительной нелѣпостью онъ отталкиваетъ насъ отъ себя. Главныя трудности, соединенныя съ этимъ взглядомъ, состоятъ во множествѣ ложныхъ представленій, относящихся къ этой доктринѣ.

Этой доктринѣ обыкновенно даютъ такой смыслъ, что наше пространственное воззрѣніе есть нѣчто произвольное. Смотрятъ на умъ такъ, какъ будто онъ свои формы пространства налагаетъ на реальность, не обращая никакого вниманія на особенную природу или обстоятельства реальности. Эти формы суть какъ бы умственныя очки, сквозь которыя умъ смотритъ на міръ; и можно предположить, что другія существа могутъ имѣть другія, совершенно непохожія на нихъ, очки. Это ученіе объ очкахъ предполагаетъ абсолютное незнаніе или всеобщую относительность знанія; потому что, разумѣется, мы не можемъ показать ни того, какими вещи казались бы, если бы очки были устранены, ни того, какими вещи могутъ казаться другимъ существамъ, которыя могутъ имѣть особаго рода очки. Но вредная черта этой доктрины состоитъ въ томъ, что очки разсматриваются, какъ имѣющія только произвольное отношеніе къ реальности и потому способныя измѣняться. Даже Кантъ, первый провозвѣстникъ идеальности пространства, можетъ быть обвиненъ въ допущеніи этого страннаго заблужденія. Конечно, многія мѣста его сочиненій показываютъ, что онъ смотрѣлъ на порядокъ и послѣдовательность феноменовъ, какъ объективно опредѣленные; но при этомъ онъ былъ невѣренъ своему собственному ученію о причинности, которымъ отрицается, чтобы вещи были опредѣлены сами въ себѣ. Его теорія воспріятія разбивается о попытку показать употребленіе умствен-

ныхъ формъ. Умственныя формы совмѣстны съ самыми разнообразными примѣненіями. Форма пространства сама по себѣ не опредѣляетъ, долженъ ли данный предметъ являться, какъ кубъ, или какъ другая какая-нибудь фигура; и въ ученіи Канта не указывается никакого принципа различенія, которымъ бы устранялась произвольность выбора между различными формами. Ученики Канта были еще болѣе невнимательны относительно этой трудности, чѣмъ самъ Кантъ, и предоставили примѣненіе умственныхъ формъ чистой случайности. Человѣческій умъ не можетъ произвольно употреблять формъ чувственности или разсудка. Положенія и отношенія вещей въ нашемъ субъективномъ пространствѣ не зависятъ отъ нашей воли, и ихъ пространственныя перемѣны происходятъ безъ всякаго согласія съ нашей стороны. Источники ихъ движеній и основаніе ихъ относительнаго размѣщенія находятся не въ насъ. Субъективное представленіе вещей въ какомъ-нибудь пунктѣ пространства и времени неизмѣнно. Мы не можемъ перемѣнить правое на лѣвое, верхъ на низъ, далекое на близкое и т. д. Всего меньше можемъ мы устранить изъ нашего субъективнаго пространства идею разстоянія и мыслить вещи, какъ равноотстоящія одна отъ другой. О субъективности пространства можно сказать то же, что и о субъективности внѣшнихъ качествъ. Очень нерѣдко бываетъ, что когда лица, мало знакомыя съ психологіей, узнаютъ ученіе о субъективности чувственныхъ качествъ, они утверждаютъ, что послѣднія не что иное, какъ только душевныя возбужденія, совершенно забывая тотъ фактъ, что будучи субъективными произведеніями, качества вещей все-таки имѣютъ объективную причину, которая, хотя и не похожа на нихъ, тѣмъ не менѣе ихъ собою опредѣляетъ. Субъективность пространства можно утверждать только

въ этой формѣ. Отношеніе вещей къ намъ таково, что когда онѣ дѣйствуютъ на наши чувства, онѣ производятъ въ насъ чувственныя ощущенія свѣта, звука, тепла и проч. Эти ощущенія, однакоже, не суть копіи чего-нибудь объективнаго, но субъективные символы или переводъ извѣстныхъ фазъ объекта. Подобнымъ же образомъ вещи и ихъ взаимодѣйствія таковы, что производятъ въ воспринимающихъ существахъ пространственное воззрѣніе, которое не есть копія чего-нибудь объективнаго, а только субъективный символъ или переводъ въ формы чувственнаго воззрѣнія реальностей и ихъ взаимодѣйствій.—Воззрѣніе, однакоже, не независимо отъ реальностей, но каждая перемѣна въ послѣднихъ вызываетъ соотвѣтствующую перемѣну въ первомъ. Какъ увеличеніе или уменьшеніе числа колебаній сопровождается соотвѣтственнымъ измѣненіемъ слышимаго звука или видимаго цвѣта, такъ и всякое измѣненіе въ онтологическихъ взаимодѣйствіяхъ вещей сопровождается соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ видимыхъ пространственныхъ отношеніяхъ. Субъективное воззрѣніе имѣетъ свое объективное основаніе; но это основаніе, хотя и не похоже на его умственный переводъ, всетаки находится въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ нему, такъ что данное состояніе объекта допускаетъ только одинъ пространственный переводъ, подобно тому, какъ данное число колебаній можетъ быть слышимо только какъ одинъ извѣстный тонъ. Эта опредѣленная связь между реальностью и ея пространственными феноменами позволяетъ намъ обращаться съ послѣдними, какъ будто они имѣютъ объективную реальность, и предсказывать ихъ ходъ съ такой достовѣрностью, какъ если бы они были вещи въ себѣ. Это производитъ такое же точно царство закона среди феноменовъ и такую же точно возмож-

ность предвидѣнія ихъ, какая была бы, если бы феномены были вещами. Поэтому, вслѣдствіе субъективности пространства механика и астрономія не подвергаются никакой опасности потерять свое значеніе.

Итакъ, не совмѣстны ли всѣ вещи въ пространствѣ? Нѣтъ, онѣ существуютъ ни совмѣстно, ни отдѣльно, потому что оба эти предиката подразумѣваютъ реальность пространства; а мы не должны молча предполагать то, что открыто отрицали. Но какъ вселенная, независимо отъ нашихъ чувствъ, ни свѣтла, ни темна, ни звучна, ни беззвучна, а такова, что кажется намъ свѣтлою или темною, такъ и вещи независимо отъ воззрѣнія существуютъ ни вмѣстѣ, ни отдѣльно, ни въ пунктѣ, ни внѣ его, но такъ, что кажутся существующими вмѣстѣ или отдѣльно. Схоластическое заключеніе сдѣланное изъ непространственности духа, что множество ангеловъ могло бы помѣститься на концѣ иглы, основывается на замаскированномъ удержаніи идеи пространства, потому что оно пространство отрицаетъ пространственно.

Другое заблужденіе относительно субъективности пространства состоитъ въ томъ, будто она дѣлаетъ пространство иллюзіей и такимъ образомъ уничтожаетъ всякое довѣріе къ уму. Это заблужденіе возникаетъ различными путями. Первый путь заключается въ неумѣніи различать разныя формы умственной дѣятельности по ихъ относительному значенію. Второй путь состоитъ въ смѣшеніи реальности въ умѣ съ иллюзіей. Этому заблужденію способствуетъ также тотъ фактъ, что слово *видимость* часто употребляется для обозначенія иллюзіи. Но реальность можетъ имѣть разныя значенія. Мы говоримъ о событіяхъ, отношеніяхъ, мысляхъ, какъ реальныхъ; а какой-нибудь слишкомъ усердный моралистъ при случаѣ можетъ объявить, что добродѣтель есть единственная реаль-

ность въ мірѣ. И, конечно, никто не считаетъ любви и справедливости не реальными, потому что онѣ существуютъ только въ свободномъ духѣ. Разумѣется, онѣ—не вещи, но отъ этого онѣ не дѣлаются иллюзіями. Возраженіе, которое мы разсматриваемъ, основывается на предразсудкѣ не-критической мысли касательно отношенія ума ко вселенной. Умъ считается несущественнымъ фактомъ во вселенной, не придающимъ ничего міру вещей и только копирующимъ реальность, которая осталась бы совершенно одинаковой, если бы исчезъ всякій умъ. Это—предразсудокъ, потому что одинъ изъ великихъ вопросовъ философіи состоитъ въ томъ, можно ли смотрѣть на умъ, какъ на лишній, или, напротивъ, міръ можетъ имѣть свое полное существованіе не иначе, какъ въ умѣ? Чтобы этотъ вопросъ казался менѣе страннымъ, нужно только вспомнить полученное ранѣе заключеніе, что міръ, какъ система отношеній, не можетъ имѣть существованія независимо отъ ума. Великое царство любви и справедливости, хотя оно и реально, можетъ существовать только въ душѣ. Царство мысли есть также царство только въ мысли; но отъ этого оно не дѣлается иллюзіей; какъ субъективная сторона или проявленіе бытія, оно можетъ быть необходимымъ и всеобщимъ. Субъективная реальность можетъ быть реальной прежде всего; она можетъ быть истинной вершиной и вѣнцомъ бытія. Когда приходится разбирать сбивчивый синтезъ опытныхъ данныхъ, составляющій міровоззрѣніе здраваго смысла, вопросъ не въ томъ, реальна ли эти масса сыраго матеріала, но въ томъ, какого рода реальность можетъ быть ей приписана. И это изслѣдованіе имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ не скептицизмъ, но полную увѣренность въ способности разума выдѣлить различные факторы массы и назначить каж-

дому его истинное положеніе въ системѣ мысли. Продолжаемое въ этомъ направленіи, изслѣдованіе неизбѣжно должно потревожить покой не-критической мысли. Весь міръ чувственныхъ качествъ оказывается не имѣющимъ объективнаго существованія, но состоящимъ изъ возбужденій субъекта. Они отъ этого не дѣлаются, однако же, нереальными и ложными, потому что все, что было истинно о нихъ прежде, все-таки остается о нихъ истиннымъ. Ихъ природа и отношенія совершенно не нарушены. Мы узнали о нихъ не то, что они не реальны, а что они имѣютъ свою реальность только въ умѣ. Но дѣтская торопливость въ этомъ пунктѣ часто приводитъ насъ къ нелѣпости. Узнавъ, что объективную основу чувственныхъ качествъ составляетъ извѣстный родъ колебаній, мы спѣшимъ объявить, что сами они не что иное, какъ колебанія, какъ будто раскрытіе этой объективной основы сдѣлало ихъ другими, чѣмъ они были. И мы воображаемъ, что устранили ихъ изъ системы. Но свѣтъ и гармонія звуковъ, подобно любви и справедливости, все-таки остаются фактами вселенной, хотя они имѣютъ свое существованіе только въ духѣ. Этотъ примѣръ показываетъ, что есть различіе между реальностью въ духѣ и чистой иллюзіей. И когда мы называемъ пространство модусомъ видимости, мы означаемъ этимъ не то, что оно есть иллюзія, но что оно есть форма, въ которой бытіе является въ воззрѣніи.

Теперь составляетъ общее убѣжденіе, что чувственность не даетъ намъ объективной дѣйствительности, но мы должны мыслить послѣднюю. То, что существуетъ для здраваго смысла, какъ окрашенный объектъ, для научной мысли существуетъ, какъ соединеніе вибрирующихъ элементовъ. Что существуетъ для здраваго смысла, какъ фотосфера, для

научной мысли есть только математическая функція колебаній. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: само чувственное воспріятіе даетъ-ли намъ фактъ такъ, какъ онъ существуетъ для разума? и есть основанія для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Пространство скорѣе есть умственный принципъ, чѣмъ объективный фактъ. Но что было сказано выше о чувственныхъ качествахъ, то должно быть повторено здѣсь. Пространство не становится отъ этого нереальной иллюзіей. Все, что было истинно о пространствѣ, пространственныхъ отношеніяхъ и объектахъ въ пространственныхъ отношеніяхъ, такъ и остается истиннымъ. Мы только узнали, что есть нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ пространство, и что то, что является, не открываетъ дѣйствительности такъ, какъ разумъ долженъ понимать ее. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что реальность не можетъ быть воображаема, но должна быть мыслима; она должна быть постигаема въ понятіяхъ, а не въ образахъ. Для чистаго разума, поэтому, реальность существуетъ безъ пространственныхъ предикатовъ. Въ нашемъ воззрѣніи она принимаетъ формы пространства; въ нашей чувственности она принимаетъ форму чувственныхъ качествъ. Но ни одна изъ этихъ областей не противорѣчитъ другой; онѣ скорѣе возвышаются въ послѣдовательномъ порядкѣ одна надъ другой. Чувственность даетъ вещи, какъ онѣ дѣйствуютъ на насъ. Чувственность и воспріятія вмѣстѣ даютъ вещи, какъ онѣ являются. Только чистый разумъ даетъ вещи, какъ онѣ суть. Но это—не скептическій процессъ. Достигнутыя заключенія не навязываются намъ вопреки разуму, но внушаются самимъ разумомъ. Мы не отрицаемъ истины явленій, какъ являющихся. Они составляютъ нашъ исходный пунктъ, но не предѣльный нашъ пунктъ; потому что мы находимъ въ са-

мыхъ явленіяхъ побужденіе идти за предѣлы ихъ къ чему-то такому, что, хотя и составляетъ ихъ основу, но уже не имѣетъ предикатовъ, принадлежащихъ явленіямъ. Но мы не должны были бы идти далѣе явленія, если бы ничто въ немъ самомъ не уполномочивало насъ на то. Въ такомъ случаѣ мы оставались бы при обычномъ взглядѣ не-критическихъ умовъ и смотрѣли бы на міръ такъ, какъ онъ кажется, именно какъ на глубочайшій и конечный фактъ. Кто признаётъ, что реальность, какъ она существуетъ для разума, не противорѣчитъ реальности, какъ она является, тотъ увидитъ, что нѣтъ ничего скептическаго въ сдѣланномъ заключеніи. Напротивъ, отказъ признавать то, къ чему приводитъ логическій процессъ мысли, есть настоящій и единственный скептицизмъ. Обвиненіе въ скептицизмѣ, которое постоянно дѣлается противъ приверженцевъ изложенной доктрины о пространствѣ, основывается только на недоразумѣніи. Предполагается, что если бы эта доктрина была вѣрной, то мы могли бы видѣть вещи въ совершенно различныхъ пространственныхъ отношеніяхъ, что ставило бы наше воззрѣніе въ противорѣчіе съ самимъ собою. Но воззрѣніе никогда не можетъ проникнуть за предѣлы самого себя. Только мысль можетъ выходить за предѣлы явленія и достигать того, что лежитъ за нимъ.

Это требованіе мыслить вещи безъ отношенія къ пространству не такъ чуждо нашему мышленію, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Стоитъ только обратить вниманіе на свое собственное психическое существованіе, чтобы видѣть, что пространство примѣняется только къ тѣмъ объектамъ, которые могутъ быть предметами воззрѣнія. Но ни въ какомъ нашемъ размышленіи намъ никогда не приходитъ въ голову давать нашимъ мыслямъ пространственные предика-

ты. Мы не думаемъ о нашихъ мысляхъ, ни какъ о находящихся въ душѣ, ни какъ о находящихся внѣ ея, но только какъ о зависящихъ отъ нея. Мы никогда не мыслимъ о нихъ, какъ о находящихся направо или налѣво, вверху или внизу одна другой, но только какъ о сосуществующихъ и слѣдующихъ одна за другой въ логическихъ отношеніяхъ. Подобнымъ же образомъ мы мыслимъ основное бытіе, какъ не имѣющее никакихъ формъ; и мы мыслимъ вещи, существующія въ немъ, точно также безпространственными, какъ наши мысли и чувства безпространственно существуютъ въ душѣ. И какъ душа и ея мысли не могутъ быть представлены въ ихъ подлинномъ существованіи, такъ и Безконечное и Его произведенія не могутъ быть представлены въ ихъ подлинномъ существованіи. Мысля о нихъ, мы должны употреблять только понятія, а не образы. Мы видѣли, что если пространство считать реальнымъ, то само Безконечное должно быть мыслимо въ пространствѣ съ безпредѣльной окружностью; но если, напротивъ, мы не можемъ допустить этого понятія, тогда мы должны признать, что проявленія Безконечнаго, или вещи, существуетъ также не въ пространствѣ, но являются подъ формою пространства. Въ этомъ пунктѣ популярная мысль не достигла до состоятельнаго понятія.

Другое заблужденіе тѣсно связано съ этимъ. Когда мы говоримъ, что пространство, какъ нѣчто кажущееся, есть только форма воззрѣнія, мы въ то же время испытываемъ искушеніе сказать, что оно есть только форма *человѣческаго* воззрѣнія; такимъ образомъ, возникаетъ мнѣніе, что, можетъ быть, есть существа, которыя видятъ вещи независимо отъ пространства. Но это не составляетъ необходимаго слѣдствія изъ изложеньой доктрины. Субъективностью пространства ничего не рѣшается касательно его универсальности,

точно также, какъ субъективностью умственныхъ и нравственныхъ принциповъ ничего не рѣшается относительно ихъ универсальности. Пространство можетъ быть формой всякаго воззрѣнія — и человѣческаго, и божественнаго. Въ этомъ пунктѣ одно любопытное противорѣчіе часто преслѣдуетъ насъ. Ходячее понятіе о безконечномъ существѣ, даже когда оно признается разумнымъ, состоитъ въ томъ, что оно есть чистый разумъ безъ способности воззрѣній и ощущеній или чувствительности. Такое понятіе зависитъ отъ стараго ученія, что эти способности суть низшія и несовершенныя формы разума, и, какъ такія, не могутъ имѣть мѣста въ совершенномъ. Но мы видѣли, что онѣ не исключаются взаимно, а просто суть различныя формы духовной дѣятельности, каждая изъ которыхъ дополняетъ остальныя, не противорѣча имъ. Но если такъ, тогда мы не можемъ отрицать этихъ формъ отъ безконечнаго, не ограничивая его, такъ что то, что возможно для человѣка, было бы невозможно для Бога. Мы думаемъ, поэтому, что Богъ есть не только чистая мысль, но что Онъ есть также абсолютная интуиція и абсолютная чувствительность. Онъ не только обладаетъ реальностью въ своей абсолютной мысли, но Онъ видитъ ее въ своей абсолютной интуиціи и наслаждается ею въ своей абсолютной чувствительности. Наше понятіе о Богѣ, какъ только чистой мысли, исключало бы изъ Его знанія гармоніи свѣта, звука и формы и ограничивало бы Его знаніемъ остова вселенной, вмѣсто ея живой красоты. Понятіе о Богѣ, какъ чувствующемъ, кажется антропоморфическимъ только вслѣдствіе умственной путаницы. Для некритической мысли чувствительностью предполагается тѣло; въ дѣйствительности же она есть также чисто духовное возбужденіе, какъ и самая абстрактная

мысль. Все, что тѣло дѣлаетъ для насъ въ отношеніи чувствительности, это—вызываетъ ее, но ни въ какомъ смыслѣ не производитъ ее, и совершенно понятно, что она могла бы существовать въ чисто духовномъ существѣ независимо отъ всякаго тѣла. Едва ли возможно болѣе нераціональное понятіе о божественномъ знаніи, чѣмъ то, которымъ предполагается, что оно постигаетъ реальность, только какъ она существуетъ для чистой мысли, и совсѣмъ упускаетъ изъ виду наружность и жизнь вещей. Напротивъ, какъ свой разумъ мы считаемъ слабымъ образомъ божественнаго разума, такъ и свои воззрѣнія на вещи мы считаемъ слабыми отображеніями абсолютной интуиціи, а гармоніи ощущеній и чувствованій—слабыми образами абсолютной чувствительности. Эта универсальность и постоянство пространственной интуиціи приводитъ нашъ взглядъ въ близкое согласіе съ обычнымъ взглядомъ. Пространство, хотя существуетъ только въ умѣ, все-таки независитъ отъ одного только конечнаго ума, но имѣетъ свой существенный источникъ въ духѣ и мысли Безконечнаго.

Нѣкоторыя послѣднія недоразумѣнія могутъ быть скоро устранены. Не слѣдуетъ думать, что обыденное словоупотребленіе должно быть измѣнено въ соотвѣтствіе съ этимъ взглядомъ; если бы это было сдѣлано, то, безъ сомнѣнія, допущена была бы ошибка, потому что въ ежедневной жизни приходится имѣть дѣло съ вещами, какъ онѣ даны въ воззрѣніи; а пространство есть форма воззрѣнія. Только когда мы входимъ въ сферу чистой мысли, мы должны оставлять наши пространственныя представленія. Было бы нелѣпымъ педантизмомъ отказываться отъ выраженій, что солнце восходитъ и заходитъ, и только когда дѣло доходитъ до окончательнаго объясненія, мы должны оставлять феноменальную точку зрѣнія и обращать свое вни-

маніе на истинное положеніе вещей. Было бы крайне скучно и безразсудно, если бы, вмѣсто того, чтобы называть вещь красною или зеленою, мы стали говорить, что она производитъ вибраціи извѣстной длины. Пока мы имѣемъ дѣло съ феноменами, умѣстенъ лишь феноменальный языкъ. Но даже и здѣсь иногда необходимо оставлять наши феноменальныя выраженія и употреблять абстрактный языкъ. Такъ, и въ метафизикѣ мы употребляемъ и должны употреблять языкъ пространства, имѣя дѣло съ феноменами; но когда мы ищемъ окончательнаго ихъ объясненія, мы вынуждены оставлять этотъ языкъ, какъ имѣющій только феноменальную примѣнимость.

Въ концѣ всего могутъ возразить, что изложенный взглядъ совершенно чуждъ видимости. Конечно, это такъ, и никто не отрицаетъ этого. Пространство, какъ форма видимости, никогда не можетъ быть изъято изъ видимости. Предполагать, что мы пытаемся смотрѣть на вещи внѣ пространства, значитъ совершенно не понимать нашего взгляда. Далѣе, могутъ сказать, что реальность производитъ совершенно иное впечатлѣніе на здравый смыслъ. Но что̀ изъ этого? Здравый смыслъ имѣетъ дѣло съ вещами, какъ онѣ кажутся, и пространство реально въ сферѣ явленій. Изложенная теорія устраняетъ его изъ реальности, какъ она мыслится, а не изъ реальности, какъ она кажется. Кромѣ того, принятіе этой доктрины едва ли болѣе трудно для такъ называемаго здраваго смысла, чѣмъ общепринятое ученіе о внѣшнихъ качествахъ. Вполнѣ ясно, что солнце свѣтитъ, видимо оно, или нѣтъ, и что звукъ звучитъ одинаково, слышенъ ли онъ, или нѣтъ. Но физіологія совершенно дискредитировала эти понятія. Въ самомъ дѣлѣ, пора уже оставить попытки рѣшать глубочайшіе вопросы философіи посредствомъ обращенія къ здравому смыслу. Чувства даны намъ

для практическихъ цѣлей. Они открываютъ намъ, какъ вещи дѣйствуютъ на насъ и какъ онѣ кажутся. Насколько они дѣлаютъ это хорошо и вѣрно, они составляютъ условія нашего умственнаго и эмоціональнаго существованія; и a priori нѣтъ основанія требовать отъ нихъ большаго. Не слѣдуетъ вмѣшивать божественную истинность въ истину чувственнаго опыта. Въ противномъ случаѣ эта истинность была бы совершенно опровергнута, потому что всѣ научныя изслѣдованія показываютъ, что вещи не то, чѣмъ онѣ кажутся. Атомическая теорія матеріи и современныя теоріи звука и свѣта находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ явленіями. Это возраженіе есть уловка со стороны извѣстныхъ приверженцевъ здраваго смысла, посредствомъ которой они надѣются положить конецъ всякому изслѣдованію и замаскировать свой собственный недостатокъ доказательствъ. Оно основывается на недоказанномъ предположеніи, что чувства предназначены открывать намъ метафизическую истину вещей, а не явленій. Но по размышленіи дѣлается очевиднымъ, что чувства даютъ намъ нѣчто лучшее. Мы обязаны имъ всѣми чудесами міра, всей его красотой и гармоніей, такъ что они являются необходимыми помощниками разума въ его стараніи облечь жизнію нагой скелетъ бытія и сообщить ему смыслъ и способствуютъ объяснить самому разуму, что̀ содержится въ тѣхъ таинственныхъ основаніяхъ, которыя заложены въ бытіи. Получилась бы невыгодная и жалкая замѣна, если бы мы принуждены были отказаться отъ наслажденій гармоніей звука и прелестью цвѣта, для того, чтобы созерцать неизмѣримое море механическихъ вибрацій. Тогда только было бы справедливое основаніе жаловаться, если бы самъ разумъ былъ недостовѣренъ въ своихъ показаніяхъ, и если бы нравственные инстинкты и

стремленія были обманчивыми блуждающими огоньками.

Остается сдѣлать еще одно педагогическое замѣчаніе. Всякая попытка объяснить изложенное ученіе для воображенія необходимо должна оказаться неудачной, потому что пространство есть форма воображенія. Мы не можемъ выйти изъ предѣловъ пространства съ помощью воображенія, которое ограничено формами пространства, и показать, какой видъ имѣютъ непространственныя реальности въ своемъ непространственномъ существованіи. Онѣ совсѣмъ не имѣютъ никакого вида. Только чистая мысль можетъ проникнуть въ это невообразимое царство и посредствомъ своихъ непространственныхъ категорій опредѣлить, какъ мы должны мыслить тѣ вещи, которыя своими взаимодѣйствіями даютъ основу всѣмъ отношеніямъ и всѣмъ явленіямъ.

6. Мы теперь должны сдѣлать выборъ между изложенными тремя взглядами на пространство. Во всякомъ случаѣ пространство должно быть формою возрѣнія. Единственный фактъ, который дѣлаетъ объективность пространства столь безспорною для ненаучной мысли, состоитъ въ томъ, что мы, повидимому, имѣемъ непосредственное воспріятіе его существованія, такъ что наше воспріятіе пространства есть такое же прямое и непосредственное, какъ и наше воспріятіе вещей. Съ другой стороны, противъ субъективизма дѣлается возраженіе, что имъ предполагается такой умственный механизмъ и такая дѣятельность, которыхъ мы совершенно не сознаемъ въ себѣ. Оба эти положенія не имѣютъ никакого значенія, какъ аргументы. Повидимому, непосредственное воспріятіе пространства во всякомъ случаѣ есть результатъ непространственныхъ дѣятельностей. Существованіе пространства не объясняло бы его воспріятія. Мы должны какимъ-

нибудь образомъ воспринимать дѣйствіе со стороны его. Но пространство не дѣйствуетъ на душу; только вещи дѣйствуютъ на нее. Поэтому, наше знаніе о пространствѣ есть умственное истолкованіе дѣйствія вещей на душу. Въ этомъ дѣйствіи пространственныя свойства замѣняются различными степенями интенсивности дѣятельности, и эти измѣненія переводятся душой на пространственные термины. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшей надобности допускать объективное пространство для объясненія нашего пространственнаго опыта. И утверждая объективность пространства, мы не избѣгаемъ необходимости допустить посредствующую умственную дѣятельность, противъ которой возражаютъ. Если пространство есть принципъ воззрѣнія, тогда его необходимость въ воззрѣніи совершенно объясняется, и невозможность видѣть вещи внѣ его становится очевидною. Нѣтъ надобности допускать объективное пространство для объясненія какихъ-нибудь фактовъ. Идеалистъ справедливо возражаетъ, что объективныя существованія не должны быть умножаемы сверхъ необходимости. Объективное существованіе пространства есть такая же теорія, какъ и субъективный его характеръ; и когда оно разсматривается, какъ теорія, ея состоятельность должна быть доказана. Что оно общепризнано, это—фактъ, а не доказательство, точно также, какъ общее убѣжденіе въ движеніи солнца вокругъ земли было фактомъ, а не доказательствомъ. Мы не имѣемъ надобности, однакоже, основывать свое заключеніе только на томъ фактѣ, что реалистъ не можетъ доказать объективности пространства. Мы видѣли, что реалистическій взглядъ несостоятеленъ, а по изслѣдованіи оказывается даже немыслимымъ. Онъ колеблется между слѣдующими альтернативами: сдѣлать пространство или чѣмъ-нибудь, или ничѣмъ,

а оба эти взгляда нелѣпы. Онъ находится также въ противорѣчіи съ единствомъ бытія и заставляетъ насъ смотрѣть на безконечное, какъ на сложное изъ частей. Наконецъ, онъ предполагаетъ совершенный дуализмъ первыхъ принциповъ, потому что требуетъ существованія двухъ необходимыхъ и взаимно независимыхъ принциповъ. Но этотъ взглядъ положительно невозможенъ, и всякое ученіе, которое ведетъ къ нему, должно быть отвергнуто. Попытка объяснить пространство, какъ систему отношеній между вещами оказывается невозможнымъ компромиссомъ между субъективнымъ и объективнымъ взглядами. Невозможно объяснить объективныя отношенія, не прибѣгая къ нашему обычному воззрѣнію на пространство, и наконецъ невозможно во всякомъ случаѣ смотрѣть на отношенія, какъ объективно существующія. Объективное существованіе пространства, поэтому, не только не доказано, но оно само въ себѣ не ясно, несостоятельно и невозможно. Пространство есть принципъ воззрѣнія, во-первыхъ, и модусъ видимости, во-вторыхъ. Но хотя оно субъективно, оно не произвольно или индивидуально. Данное состояніе бытія можетъ допускать только одинъ пространственный переводъ, и этотъ переводъ можетъ быть универсальнымъ и неизмѣннымъ во всякомъ воззрѣніи, и въ божественномъ, и въ человѣческомъ. Чѣмъ бы, однакоже, они ни были, пространственныя свойства и отношенія, приписываемыя вселенной, могутъ существовать только въ умѣ, который не только принадлежитъ къ системѣ міра, но составляетъ и основаніе, и вѣнецъ ея.

Представленные аргументы субъективности пространства, какъ можно видѣть, очень значительно отличаются отъ доказательствъ, предложенныхъ Кантомъ. По его взгляду, рѣшительное основаніе для утвержденія субъективности пространства заключается

въ антиноміяхъ чистаго разума въ отношеніи пространства. Эти антиноміи касаются ограниченности или неограниченности міра въ пространствѣ и безконечной дѣлимости матеріи. И тезисъ, и антитезисъ антиномій, по мнѣнію Канта, могутъ быть доказаны съ одинаковою убѣдительностію; поэтому, мы должны приписать пространству чисто субъективное значеніе. Но этого заключенія нельзя принять, пока не доказано, что противорѣчіе исчезаетъ, когда пространство признается феноменальнымъ, а такое доказательство не представлено. Въ самомъ дѣлѣ, спеціальная трудность, заключающаяся въ пространственныхъ антиноміяхъ, никоимъ образомъ не устраняется вслѣдствіе предположенія феноменальности пространства. Если бы тезисъ и антитезисъ были доказаны съ одинаковою убѣдительностію, чего, къ счастію, вовсе нѣтъ, тогда нужно было бы заключить, что пространственный принципъ находится въ противорѣчіи съ самимъ собою, и слѣдствіемъ былъ бы не феноменализмъ, а скептицизмъ. И вообще, когда существуетъ противорѣчіе между результатами равносильныхъ умственныхъ процессовъ, тогда не можетъ быть никакого выхода въ феноменализмъ. То или другое изъ заключеній было ложно достигнуто; въ противномъ случаѣ неизбѣженъ скептицизмъ. Поэтому, Кантовы доказательства субъективности пространства оказываются ненадежными въ логическомъ отношеніи и сомнительными въ принципѣ. Въ отличіе отъ доводовъ Канта, вышеизложенныя доказательства субъективности пространства основаны не на противорѣчіи, присущемъ пространственному принципу, но на несовмѣстности объективной реальности пространства съ необходимымъ единствомъ бытія и на невозможности допущенія болѣе, чѣмъ одного основнаго и необходимаго бытія. Эти факты, вмѣстѣ съ необхо-

димою субъективностью отношеній и невозможностью привести пространство, когда оно признается реальнымъ, въ какое-нибудь ясное отношеніе къ вещамъ, помѣщаемымъ въ немъ, составляютъ основаніе для отрицанія объективной реальности пространства.

Но не внесли ли мы въ умъ сомнѣніе и недовѣріе въ такой степени, что единственнымъ слѣдствіемъ долженъ быть скептицизмъ? Думаемъ, что нѣтъ. Мы, конечно, подвергли сомнѣнію некритическое мышленіе, но только во имя самаго разума. Мы нашли различныя противорѣчія въ нашихъ обычныхъ представленіяхъ о пространствѣ и старались устранить ихъ, предлагая субъективный взглядъ на пространство. Практическое значеніе этого взгляда, конечно, довольно слабо. Онъ не открываетъ никакой новой сферы и не ведетъ ни къ какой новой точкѣ зрѣнія. Единственное его значеніе состоитъ въ устраненіи противорѣчій, въ которыя запутанъ обычный взглядъ на пространство. Онъ даетъ намъ возможность удержать единство бытія и единство основной реальности. Онъ даетъ намъ возможность избѣжать всѣхъ трудностей касательно отношеній вещей къ пространству, которыя неразрѣшимы, пока пространство признается реальнымъ. Кромѣ того, какъ принципъ воззрѣнія, онъ имѣетъ все то значеніе и всеобщность, какія могло бы имѣть пространство, какъ реальность.

7. Отношеніе Безконечнаго къ пространству требуетъ краткаго замѣчанія. Мы утверждали, что пространство, какъ принципъ воззрѣнія, можетъ существовать и для Безконечнаго также, какъ и для конечнаго, а это легко можетъ быть ошибочно принято за ограниченіе Безконечнаго. Но это значило бы смѣшивать пространство, какъ принципъ, съ пространствомъ, какъ ограниченіемъ. Пространство, какъ ограниченіе, можетъ существовать только для конеч-

наго; и это ограниченіе единственно въ томъ фактѣ состоитъ, что наше непосредственное дѣйствіе на реальность ограничено. «Далеко» и «близко» суть термины, которые всецѣло зависятъ лишь отъ величины средствъ или продолжительности времени, необходимаго для того, чтобы подѣйствовать на какую-нибудь реальность. Гдѣ мы дѣйствуемъ непосредственно, тамъ мы сами находимся; такъ что вмѣсто того, чтобы говорить, что мы можемъ дѣйствовать только тамъ, гдѣ мы находимся, мы должны скорѣе говорить, что мы тамъ, гдѣ мы дѣйствуемъ. Но большею частію, чтобы дѣйствовать на вещи, мы должны употреблять извѣстныя средства. Поэтому мы ограничены. Безконечное же не нуждается ни въ какихъ средствахъ. Оно прямо дѣйствуетъ на реальность, и потому Оно вездѣ. Подъ вездѣприсутствіемъ мы не должны разумѣть ничего иного, кромѣ этого непосредственнаго дѣйствія на каждую реальность. Понятіе о вездѣприсутствіи, какъ о безпредѣльномъ, наполняющемъ пространство, объемѣ, есть противорѣчіе, потому что то, что находится въ пространствѣ и наполняетъ пространство, не можетъ быть вездѣсущимъ въ пространствѣ, но различныя части его должны быть въ различныхъ мѣстахъ. Каждая часть въ такомъ случаѣ находится въ своемъ собственномъ мѣстѣ и нигдѣ болѣе. При такомъ взглядѣ единство и вездѣприсутствіе Безконечнаго отрицаются.

8. Въ связи съ вопросомъ о природѣ пространства находится спорный вопросъ объ измѣреніяхъ пространства. Въ послѣдніе годы между математиками возникло мнѣніе, что пространство, можетъ быть, не ограничивается тремя измѣреніями. Были произведены сложныя изслѣдованія касательно свойствъ неэвклидовскаго пространства. Сдѣланы были очень интересныя заключенія относительно того, что было

бы истинно о такомъ пространствѣ, и убѣжденіе въ ошибочности понятія о пространствѣ, имѣющемъ три измѣренія, сдѣлалось очень распространеннымъ. Мы должны теперь разсмотрѣть, необходимо ли, чтобы принципъ пространства ограничивалъ его тремя измѣреніями. Изложенная теорія пространства, какъ только формы воззрѣнія, повидимому, благопріятствуетъ новому взгляду, по крайней мѣрѣ, кажется болѣе вѣроятнымъ, что пространство должно *являться* въ неопредѣленномъ числѣ измѣреній, чѣмъ то, что оно должно *существовать* въ неопредѣленномъ числѣ измѣреній. Если пространство существуетъ такъ, какъ оно кажется, тогда, повидимому, конецъ всякому спору, между тѣмъ какъ идеалистическій взглядъ оставляетъ вопросъ открытымъ. Дѣйствительно ли это такъ, это еще требуется обсудить.

Принципъ пространства не имѣетъ такой всеобщности, какъ законы формальной логики. Послѣдніе обусловливаютъ собою все наше мышленіе, а принципъ пространства обусловливаетъ собою только наше воззрѣніе на предметы. Мы должны, далѣе, признать, что не всѣ формы внѣшняго опыта одинаково побуждаютъ умъ реагировать посредствомъ представленія своихъ объектовъ въ пространствѣ. Мы должны также допустить, что наша природа можетъ содержать таинственныя возможности, которыя въ настоящее время еще скрыты отъ насъ. Поэтому, возможно, что при нѣкоторыхъ формахъ внѣшняго опыта умъ никогда не пришелъ бы къ пространственному воззрѣнію. Равно возможно, что при другихъ формахъ чувственнаго опыта умъ размѣщалъ бы свои объекты согласно съ какимъ-нибудь совершенно отличнымъ принципомъ, такъ что мы имѣли бы новую форму воззрѣнія. Эта новая форма была бы, однакоже, не пространствомъ, а чѣмъ-нибудь совершенно

особеннымъ. Какъ такая, она относилась бы къ пространственному воззрѣнію такъ же, какъ напр. наши звуковыя ощущенія относятся къ свѣтовымъ. Разумѣется, это—чисто логическая возможность, но, конечно, нѣтъ никакого основанія говорить, что пространственное воззрѣніе есть только единственно возможное въ природѣ бытія. Если бы было какое-нибудь основаніе утверждать существованіе такой новой формы, тогда a priori не было бы ничего невѣроятнаго въ ней. Вполнѣ возможно, однакоже, наряду съ этимъ допущеніемъ, думать, что пространственное воззрѣніе не можетъ измѣняться въ своихъ существенныхъ законахъ и природѣ.

Утверждая, что измѣреній пространства необходимо три и только три, важно предварительно признать, что плоскости измѣреній, перпендикулярны каждая къ двумъ другимъ. Безъ этого предположенія измѣреній пространства можетъ быть сколько угодно. Но вмѣстѣ съ этимъ предположеніемъ необходимо признать, что положеніе какого-нибудь пункта въ пространствѣ можетъ быть опредѣлено прямыми линіями, проведенными отъ него къ каждой изъ этихъ плоскостей. Эти прямыя линіи называются координатами пункта; онѣ показываютъ, какъ далеко отстоитъ пунктъ отъ каждой изъ плоскостей. Три указанныя плоскости представляютъ собою измѣренія пространства.

Ученіе объ n-ыхъ измѣреніяхъ пространства до сихъ поръ оказывается чисто гипотетическимъ или же смѣшиваетъ измѣренія вещей въ пространствѣ съ измѣреніемъ самаго пространства. Первая категорія его доказательствъ состоитъ всецѣло изъ принциповъ, извлеченныхъ изъ аналитическихъ формулъ. Извѣстно, что формулы аналитической геометріи независимы отъ геометрическихъ начертаній. Насколько простирается аналитическое вычисленіе, мы свободны избирать n

плоскостей измѣренія, если не пытаемся представить ихъ пространственно. Эти формулы, однакоже, допускаютъ пространственное осуществленіе, когда принимаются только три взаимно перпендикулярныя плоскости измѣренія; и если бы n-ое число плоскостей было возможно, тогда формула, которою предполагается n-е число плоскостей, также была бы способна къ геометрическому воспроизведенію. Но это предположеніе довольно далеко отъ того, что бы могло доказывать возможность n-аго числа плоскостей; оно только выводитъ слѣдствіе изъ предположенной возможности. Но нѣтъ надобности прибѣгать къ сложнымъ формуламъ, чтобы вывести это незначительное заключеніе. Для непосвященнаго въ высшую математику представляется что-то таинственное въ трансцендентальной формулѣ со многими степенями и въ особенности въ формулѣ касательно «псевдо-сферической» поверхности; эта формула можетъ производить импонирующее впечатлѣніе на нелогическій умъ; но доказательство, выведенное изъ такой формулы, ничѣмъ не лучше слѣдующаго: въ алгебрѣ a можетъ быть представлено въ пространствѣ линіей, a^2—плоскостной поверхностью, a^3 — кубомъ; a^4 и всѣ высшія степени не доступны для пространственнаго изображенія. Что касается алгебры, это— чистое совпаденіе, что a, a^2 и a^3 могутъ быть пространственно представлены; алгебраическій анализъ производится совершенно независимо отъ пространства. Онъ имѣетъ дѣло съ числами и ихъ отношеніями, а они имѣютъ логическую, а не пространственную природу. Но было бы очень легко сказать, что если пространство имѣетъ n измѣреній, тогда a^n можетъ быть точно такъ же представлено пространственно, какъ и a, a^2 и a^3, и доказательство имѣло бы такую же силу, какъ и большая часть того, что было высказано по этому предмету. На самомъ

же дѣлѣ, въ отношеніи даннаго вопроса математики сдѣлались жертвой своей собственной терминологіи. Желая дать наибольшую общность своимъ аналитическимъ формуламъ, они вычислили ихъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному пространству. Впослѣдствіи они замѣтили, что для того, чтобы сдѣлать эти формулы способными къ геометрическому воспроизведенію, необходимо принять нѣкоторыя ограниченія. Такимъ образомъ, дѣйствительное пространство стало представляться спеціальнымъ случаемъ и названо было простымъ пространствомъ, эвклидовымъ пространствомъ и т. п. Но употребляя эти прилагательныя при словѣ «пространство», они внушили сами себѣ мысль о возможности другихъ пространствъ, и поэтому всякій данный рядъ аналитическихъ выкладокъ стали относить къ пространству n-аго порядка. Съ этого времени иллюзія сдѣлалась полной, и всякое требованіе доказательствъ того, что эти пространства n-аго ряда представляютъ что-нибудь иное, а не просто аналитическія предположенія, стало казаться слишкомъ строгимъ.

Другая категорія доказательствъ смѣшиваетъ измѣренія вещей въ пространствѣ съ измѣреніями самаго пространства. Если мы упускаемъ изъ виду необходимость трехъ перпендикулярныхъ плоскостей измѣренія, тогда вещь можетъ имѣть множество измѣреній. Различныя сужденія касательно сфероидальности пространства представляютъ примѣры такого смѣшенія. Что именно разумѣется подъ сфероидальностью самаго пространства, это не поддается никакому пониманію. Предполагается, что въ случаѣ такой сфероидальности прямыя линіи наконецъ должны были бы возвращаться сами въ себя; но тогда былъ бы простой фактъ, что данныя линіи не прямыя, но кривыя, а не то, что самое пространство сфероидально. Это

было бы вполнѣ понятно, тогда какъ ученіе о криволинейномъ пространствѣ совершенно непонятно. Если говорится, что прямыя линіи никогда не встрѣчаются въ дѣйствительности, мы ничего не имѣемъ возразить противъ такого утвержденія, лишя бы оно было доказано; но это положеніе отличается отъ утвержденія, что прямыя линіи на самомъ дѣлѣ не прямыя, а кривыя. Геометръ не предполагаетъ ничего относительно реальности линій; для него достаточно показать, что было бы истинно о такихъ линіяхъ, если бы онѣ существовали. Его единственная задача — опредѣлить содержаніе и слѣдствія нашихъ пространственныхъ воззрѣній; зная, что эти воззрѣнія суть чисто умственныя произведенія, онъ совершенно свободенъ отъ сомнѣнія, не могутъ ли эти принципы терять свое значеніе въ какихъ-нибудь сферахъ, лежащихъ внѣ пространства. Такъ какъ пространство находится въ умѣ и пространственныя фигуры суть умственныя построенія, то эти принципы всегда будутъ имѣть смыслъ, который умъ приписываетъ имъ, и потому никогда не могутъ быть лишены свойственнаго имъ значенія. Принципу сфероидальности пространства предназначается спасти вселенную отъ окончательнаго израсходованія ея энергіи. Если пространство сфероидально, тогда расходуемая энергія должна наконецъ возстановиться, и система міра можетъ поддерживаться въ движеніи. Но нѣтъ никакой надобности въ непонятномъ предположеніи сфероидальности пространства, чтобы выразить этотъ результатъ. Мы можемъ просто сказать, что если природа реальности такова, что расходящаяся радіусами энергія движется по кривымъ линіямъ, тогда она должна наконецъ возвратиться къ своей исходной точкѣ. Конечно, чтобы сдѣлать это предположеніе сколько-нибудь полезнымъ, намъ нужно сдѣлать еще

нѣсколько другихъ; но взятое, какъ оно есть, оно представляетъ нападеніе не на наше пространственное воззрѣніе, а на первый законъ движенія. Короче сказать, всѣ объясненія пространства n-ыхъ измѣреній могутъ быть приведены въ совершенное согласіе съ нашимъ пространственнымъ воззрѣніемъ посредствомъ замѣны сфероидальности пространства сфероидальностью въ пространствѣ и n-хъ измѣреній пространства n-ыми измѣреніями вещей въ пространствѣ. Эта часть доктрины, кажется, въ значительной мѣрѣ обязана своимъ происхожденіемъ обычаю смотрѣть на прямыя линіи, какъ на сегменты круговъ съ безконечными радіусами. Это обыкновеніе, вмѣстѣ съ другимъ, связаннымъ съ нимъ, обыкновеніемъ считать параллельныя линіи встрѣчающимися на безконечномъ разстояніи, имѣетъ свои практическія выгоды; но когда оно ведетъ къ смѣшенію всѣхъ опредѣленій и къ совершенной безсмыслицѣ, то можно спросить, не слишкомъ ли дорого куплены эти выгоды.

Плохой аргументъ, хотя и составляетъ подозрительное обстоятельство, не есть еще, однако же, опроверженіе доказываемой мысли. Доктрина объ n—ыхъ измѣреніяхъ можетъ быть испытана только посредствомъ прямой попытки реализировать ея предположенія. Гдѣ же можетъ быть найдено n—ое измѣреніе? Zöllner, въ своемъ объясненіи исчезновенія матеріальныхъ тѣлъ на спиритическихъ сеансахъ, предполагаетъ существованіе четвертаго измѣренія пространства, въ которое тѣла бываютъ удаляемы спиритами. Если бы были существа, которыя могли бы видѣть только два измѣренія пространства. тогда тѣло, которое двигалось бы въ третьемъ измѣреніи, исчезло бы изъ ихъ поля зрѣнія. Если, теперь, есть четвертое измѣреніе, то спириты должны только втиснуть тѣло въ четвертое измѣреніе, чтобы сдѣлать

его невидимымъ. Казалось бы, поэтому, что четвертое измѣреніе проникаетъ собою извѣстныя три измѣренія. Твердое тѣло, которое исчезало, было не внѣ пространства, но внѣ своихъ трехъ измѣреній. И однако же не было такого пункта въ пространствѣ, котораго нельзя было бы опредѣлить съ помощью трехъ измѣреній. Четвертое измѣреніе, поэтому, не есть нѣчто присоединенное вновь къ тремъ измѣреніямъ, но нѣчто совпадающее съ ними; т.-е. оно вовсе не есть пространственное измѣреніе, но если оно есть что-нибудь, то лишь такое состояніе матеріи, въ которомъ она какимъ-то образомъ становится невидимой. Необходимость помѣстить четвертое измѣреніе внутри трехъ измѣреній лишаетъ его всякаго права на названіе измѣренія пространства. Въ концѣ всего, невѣроятно, чтобы фокусы шарлатановъ много способствовали успѣхамъ философіи.

Отношеніе разсматриваемой доктрины къ геометріи неясно сознается ея адептами. Нѣкоторые смотрятъ на нее просто, какъ на расширеніе нашей настоящей геометріи, между тѣмъ какъ другіе считаютъ ее опроверженіемъ послѣдней. Если мы представимъ себѣ существа, обитающія на плоскости и ограниченныя понятіями о линіяхъ на плоскости, то возможно, что такія существа выработали бы себѣ состоятельную плоскостную геометрію; и если бы послѣ этого они дошли до понятія о третьемъ измѣреніи пространства, ихъ прежняя геометрія была бы только расширена и оставалась бы столь же состоятельной, какъ и прежде. Подобнымъ же образомъ можно утверждать, что новое измѣреніе пространства только расширило бы нашу настоящую геометрію, нисколько не лишая ея значенія. Въ такомъ случаѣ о разсматриваемой доктринѣ можно было бы судить только потому, представляетъ ли понятіе о новомъ измѣреніи

что-нибудь большее, чѣмъ простое предположеніе, не поддающееся никакому объясненію и даже пониманію. Но бо́льшая часть ея адептовъ смотритъ на нее, какъ на опроверженіе общепринятой геометріи, и это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ судить объ ихъ взглядѣ по сравненію его съ геометрическими истинами. Если эти истины строго вѣрны, тогда всякое ученіе, находящееся въ противорѣчіи съ ними, ложно. Вѣрующій въ n—ыя измѣренія пространства долженъ опровергнуть геометрію, чтобы доказать свою теорію. Если онъ утверждаетъ, что прямыя линіи возвращаются сами въ себя, это показываетъ только то, что онъ разумѣетъ подъ прямыми линіями то, что другіе разумѣютъ подъ кривыми. Если онъ настаиваетъ на томъ, что параллельныя линіи могутъ встрѣтиться, это показываетъ только, что онъ разумѣетъ подъ параллельными линіями то, что другіе разумѣютъ подъ сходящимися линіями. Онъ не имѣетъ права ссылаться на природу вещей, потому что геометрія сама по себѣ не касается природы и слѣдствій нашего пространственнаго воззрѣнія.

9. Въ заключеніе, остается сказать нѣсколько словъ относительно единства нашего пространственнаго воззрѣнія. Часто дѣлается предположеніе, что могутъ быть существа, которыя видятъ вещи только въ одномъ или въ двухъ измѣреніяхъ, и что для такихъ существъ третье измѣреніе, конечно, было бы такою же совершенною невозможностью, какъ для насъ четвертое. Мы знаемъ, однако же, что они заблуждались бы, и имѣемъ полное право настаивать на своемъ воззрѣніи. Если признать, что четвертое измѣреніе находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы знаемъ о трехъ измѣреніяхъ, тогда мы имѣемъ полное право отвергать его; и даже если предположить, что оно только

расширяетъ нашъ взглядъ, мы все-таки въ правѣ отрицать его, основываясь на единствѣ нашего пространственнаго воззрѣнія. Существа, видящія вещи только въ одномъ или въ двухъ измѣреніяхъ, суть чистыя фикціи, и возможность ихъ слишкомъ далека отъ того, чтобы быть очевидной. Начнемъ съ того, что предположеніе, будто дѣйствительность допускаетъ нѣсколько пространственныхъ воззрѣній, впадаетъ въ популярную форму кантіанизма, согласно съ которой дѣйствительность сама по себѣ безразлична по отношенію къ формамъ мысли. Но это значитъ раздѣлять пропастью мысль и дѣйствительность и оставлять мысль безъ всякаго основанія или объясненія. Но если мысль должна быть объясняема реальностью, тогда данная фаза реальности допускаетъ только одно данное представленіе въ мысли. Это мнѣніе, что мысль можетъ измѣняться и отражать дѣйствительность различнымъ образомъ, обнаруживаетъ совершенное отсутствіе пониманія причинности; это— суевѣріе времени, свидѣтельствующее объ отсутствіи понятія о какомъ бы то ни было законѣ реальности. Кромѣ того, наше пространственное воззрѣніе основывается не на присоединеніи одного измѣренія къ другому; но первое и второе измѣренія получаются путемъ отвлеченія отъ цѣлаго и единичнаго воззрѣнія на пространство съ тремя измѣреніями. Какъ скоро дано это воззрѣніе, то легко обращать вниманіе на одно какое-нибудь измѣреніе съ исключеніемъ двухъ другихъ; но они не могли бы быть прямо получены по слѣдующимъ причинамъ. Вообразимъ существо съ представленіемъ объ одномъ только измѣреніи пространства. Прежде всего мы склонны думать, что это измѣреніе есть линія; но этого не могло бы быть, потому что для того, чтобы видѣть ее, какъ линію, существо должно находиться внѣ линіи, а линія дол-

жна проходить поперекъ или чрезъ направленіе его зрѣнія. Но этимъ предполагалось бы два измѣренія пространства: направленіе линіи зрѣнія и направленіе воспринимаемой линіи. Если мы строго ограничимъ существо однимъ измѣреніемъ, тогда воспринимаемая линія должна принять направленіе зрѣнія; а это сдѣлало бы ее точкою. Но эта точка не могла бы быть воспринята, какъ такая, безъ отношенія къ другимъ точкамъ внѣ линіи, и такъ какъ это противорѣчитъ предположенію, то она вовсе не могла бы быть воспринята, какъ точка. Линія сама по себѣ не имѣетъ ни ширины, ни толщины, и существо, если оно сознаетъ себя находящимся въ отношеніи къ линіи, должно сознавать само себя пребывающимъ на линіи; всѣ другіе его объекты также должны быть на линіи и потому всѣ одинаково должны быть представляемы, какъ не имѣющіе ни ширины, ни толщины. Для насъ, имѣющихъ полное пространственное воззрѣніе, легко отвлекать линію отъ двухъ другихъ измѣреній и разсматривать ее отдѣльно, но для существа, которое имѣло бы представленіе только объ одномъ измѣреніи, пространственное воззрѣніе было бы совершенно невозможно.

То же самое истинно относительно двухъ измѣреній. Въ такомъ случаѣ предполагаемое существо было бы на плоскости, но безъ всякой толщины. Оно не можетъ подняться надъ плоскостью, чтобы взглянуть на нее, потому что это значило бы принимать третье измѣреніе. Поэтому, оно должно оставаться на плоскости, и всѣ его объекты должны находиться также на этой плоскости. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что мы приходимъ къ понятію о плоскости только путемъ наблюденія надъ тѣлами; мы получаемъ его посредствомъ отвлеченія отъ третьяго измѣренія. Если бы не было третьяго измѣренія, мы, конечно,

не имѣли бы понятія ни о линіи, ни о плоскости. Существо, которое находится на плоскости и которое ничего не знаетъ ни о какихъ пунктахъ внѣ этой плоскости, совсѣмъ не узнало бы никогда о плоскости. Плоскость понятна только какъ граница между различными частями пространства, а такъ какъ онѣ, по предположенію, невозможны, то и граница между ними также невозможна. Наше пространственное воззрѣніе собственно единично, а не составлено изъ различныхъ чертъ; черты, отдѣляемыя нами въ мысли, суть абстракціи, которыя возможны только вслѣдствіе единства пространства, какъ формы трехъ измѣреній. Всякимъ разсужденіемъ нашимъ о первомъ и второмъ измѣреніяхъ пространства предполагаются всѣ три измѣренія. Вообще же до сихъ поръ о тѣхъ, которые утверждаютъ, что пространство можетъ имѣть неопредѣленное число измѣреній, ничего болѣе сказать нельзя, какъ то, что они или ошибочно придаютъ названіе пространства ряду аналитическихъ предположеній, или же просто хотятъ надѣлать шуму новостью и оригинальностію своихъ утвержденій.

О ВРЕМЕНИ.

1. Постановка проблемы о времени.—2. Можно-ли считать время формой воззрѣнія, соотвѣтственной пространству?—3. Несостоятельность обычныхъ взглядовъ на время.—4. Изложеніе доктрины объ идеальности (субъективности) времени.—5. Независимость измѣненія отъ времени.—6. Различіе между прошедшимъ и будущимъ.—7. Критика ученія о субъективности времени.—8. Компромиссъ между идеальнымъ и обычнымъ взглядами на время.—9. Отношеніе Безконечнаго ко времени.

1. По ходячему взгляду, міръ находится въ пространствѣ и имѣетъ свою исторію во времени. Мы нашлись вынужденными отрицать, что міръ находится въ пространствѣ, потому что пространственность только феноменальна. Теперь мы должны изслѣдовать, исторія міра во времени есть-ли онтологическій, или только феноменальный фактъ. Кантъ представилъ одинъ и тотъ же аргументъ и для пространства, и для времени; но есть много трудностей въ вопросѣ о времени, которыя не существуютъ въ вопросѣ о пространствѣ и которыя требуютъ отдѣльнаго изслѣдованія. Субъективностью пространства отнюдь не предполагается субъективность времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ многое, что было сказано въ предыдущемъ изслѣдо-

ваніи, будетъ примѣнено къ изслѣдованію настоящаго вопроса.

Какъ мы сдѣлали въ отношеніи пространства, такъ и здѣсь мы различаемъ между онтологическимъ и психологическимъ вопросомъ. Мы не спрашиваемъ, какъ мы приходимъ къ идеѣ о времени, но что она означаетъ, послѣ того, какъ мы получили ее. Есть-ли она существованіе, или модусъ существованія, или же только модусъ нашего мышленія?

2. Кантъ призналъ пространство и время формами воззрѣнія, и это привело къ очень распространенному между философами мнѣнію, что мы имѣемъ въ собственномъ смыслѣ воззрѣніе или интуицію времени, подобно тому, какъ мы имѣемъ пространственное воззрѣніе. Поэтому, нужно удивляться, что когда мы ищемъ этого воззрѣнія, мы не находимъ его. Мы представляемъ себѣ существованіе вещей только въ пространствѣ особаго рода; и если мы представимъ себѣ исчезновеніе вещей, мы все-таки еще способны мыслить пространство, какъ такое. Относительно времени это невозможно. Мы не можемъ мыслить событія въ одной только чистой формѣ времени, и если представить себѣ отсутствіе событій, тогда ничего не останется даже въ воображеніи, что имѣетъ временный характеръ. Какъ часто было указываемо, всѣ наши представленія о времени суть образы, заимствованные отъ пространства, и всѣ они одинаково содержатъ въ себѣ противорѣчіе съ идеей времени. Мы мыслимъ о времени, какъ о безконечной прямой линіи, но представленіе это неточно выражаетъ идею времени, потому что пункты такой линіи сосуществуютъ, между тѣмъ какъ въ линіи времени только настоящій моментъ существуетъ. Мы также мыслимъ о немъ, какъ о движущемся пунктѣ, который описываетъ прямую линію; но здѣсь опять мы implicite

предполагаемъ пространство, чрезъ которое пунктъ движется; и безъ такого предположенія это представленіе теряетъ всякій смыслъ. Или если мы желаемъ образовать понятіе о «прежде и послѣ», мы представляемъ себѣ линію, черезъ которую мы переходимъ въ своемъ мышленіи; и мы измѣряемъ время движеніемъ и его направленіемъ. Временное «прежде и послѣ» представляется только пространственнымъ «прежде и послѣ». Мы не довольствуемся заимствованіемъ образовъ отъ одного измѣренія пространства; имѣя дѣло съ системой міра, мы обыкновенно беремъ два измѣренія, а иногда три. Если пространство наполнено сосуществованіями, которыя всѣ одинаково находятся на лицо въ одно и то же время, то линія времени простирается на всѣ ихъ. Такимъ образомъ линія становится цилиндромъ, а пунктъ — плоскостью, между тѣмъ какъ время, проходимое движущеюся плоскостью, остается позади, какъ нѣчто въ-родѣ третьяго измѣренія. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ лишь пространственные образы, которые примѣняются ко времени только метафорически. Мы не можемъ, поэтому, называть время формой воззрѣнія, соотвѣтственной пространству. Само въ себѣ оно скорѣе есть нѣкоторый неизобразимый рядъ событій. Сколько бы мы ни старались представить его себѣ, мы всякій разъ должны замѣнять временную послѣдовательность пространственною послѣдовательностію.

3. Что же такое время? Ходячій взглядъ на время совершенно таковъ же, какъ и ходячій взглядъ на пространство. Время понимается, какъ реальность особаго рода, которая существуетъ независимо отъ вещей, ничего не теряя отъ ихъ отсутствія и ничего не пріобрѣтая отъ ихъ присутствія. Оно независимо и потому не имѣетъ никакого существеннаго отношенія къ бытію, но движется впередъ въ непрерыв-

номъ и непреодолимомъ, вѣчномъ теченіи. Подобно пространству, оно составляетъ одну изъ необходимостей, которыхъ бытіе не можетъ ни создать, ни уничтожить, но которымъ оно должно подчиняться.

Съ перваго раза этотъ взглядъ кажется само-очевиднымъ по своей ясности, и не было бы удивительно, если бы какой-нибудь мыслитель сослался на теорію воззрѣнія для поддержанія его. Но, несмотря на кажущуюся само-очевидность, ясность этого взгляда оказывается по изслѣдованіи обманчивою. Онъ несостоятеленъ по двумъ соображеніямъ. 1) Дѣлая время независимымъ отъ бытія, онъ погрѣшаетъ противъ того закона разума, который запрещаетъ всякую множественность независимыхъ принциповъ. Этотъ законъ рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ независимостью времени. Чѣмъ бы ни было время, оно не можетъ быть реальностію, независимою отъ бытія. 2) Взглядъ, по которому время считается реальнымъ существованіемъ, крайне неясенъ и непослѣдователенъ въ своихъ предположеніяхъ и слѣдствіяхъ. Въ обычной мысли времени приписываются многія качества и функціи такого рода, что достаточно ихъ указать, чтобы ихъ отвергнуть, потому что они несогласны съ идеей времени. Начнемъ съ того, что не очевидно, какимъ считается время въ обычной мысли, стоящимъ или текущимъ. Иногда о немъ говорится, что оно обнимаетъ въ своемъ единствѣ настоящее, прошедшее и будущее и въ своей полнотѣ тожественно съ вѣчностію. Есть только одно время, какъ есть только одно пространство, и всѣ частныя времена суть только части единаго времени. Иногда о немъ говорится, что оно течетъ, а иногда о немъ упоминается, какъ о неподвижномъ и постоянномъ условіи всякаго теченія. По одному взгляду, время само течетъ, и съ нимъ текутъ событія; по другому

же взгляду, время стоитъ, а событія текутъ въ немъ, какъ въ пространствѣ, или сквозь него, какъ сквозь каналъ, или по нему, какъ по почвѣ. Въ популярной мысли оказываются всѣ эти представленія о времени, и всѣ они сопровождаются большими трудностями. Если мы смотримъ на время, понимаемое въ смыслѣ цѣлаго, какъ на существующее и, слѣдовательно, обнимающее собою настоящее, прошедшее и будущее, тогда время, какъ цѣлое, стоитъ, и теченіе полагается въ вещахъ, а не во времени Въ такомъ случаѣ различеніе между прошедшимъ и будущимъ заключалось бы не въ самомъ времени, а въ вещахъ и въ особенности въ точкѣ зрѣнія наблюдателя. Прошедшее было бы не существующимъ, а тѣмъ, что было испытано. Будущее также было бы не существующимъ, а просто тѣмъ, чего мы еще не испытали. Тогда ничего не было бы въ этомъ взглядѣ, что мѣшало бы мысли, что вещи могутъ сосуществовать, какъ различные пункты временной послѣдовательности. Тогда также въ немъ не было бы ничего, что мѣшало бы представленію о существѣ, которое наполняло бы собою все время, подобно тому, какъ вездѣсущее наполняетъ собою все пространство, и для мысли котораго прошедшее и будущее одинаково сосуществовали бы. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно мы приходимъ къ идеѣ о вѣчномъ *теперь*. Но это именно противоположно тому, что разумѣется въ ходячемъ взглядѣ на время. Здравый смыслъ настаиваетъ на томъ, что самое время течетъ, также, какъ и событія, текущія вмѣстѣ съ нимъ. По истинѣ, это представленіе о пустомъ времени съ вещами, текущими чрезъ него, есть просто представленіе о пространствѣ, ошибочно принятое за представленіе о времени. Но, съ другой стороны, если мы не будемъ смотрѣть на время,

какъ на существующее въ качествѣ цѣлаго, тогда мы должны утверждать, что только настоящее существуетъ. Этотъ взглядъ также поддерживается обычною мыслію; и потому утверждается, что всякое существованіе содержится въ узкихъ предѣлахъ настоящаго. Но настоящее не имѣетъ продолженія, и оно вовсе не время. Оно просто плоскость безъ всякой толщины, раздѣляющая прошедшее и будущее. Такимъ образомъ, время составляется не изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, а только изъ прошедшаго и будущаго; а такъ какъ они не существуютъ, то и самое время не можетъ существовать. Безполезно возражать противъ этого заключенія, что настоящее есть переходъ будущаго въ прошедшее; потому что этотъ переходъ долженъ требовать времени, или онъ вовсе не существуетъ. Если онъ требуетъ времени, тогда онъ самъ способенъ принять раздѣленіе на прошедшее и будущее. Если же онъ безвременененъ, тогда время опять распадается на прошедшее и будущее и вовсе не имѣетъ никакого существованія. Кромѣ того, трудно видѣть, какъ время распадается на прошедшее и будущее, если и то и другое не существуютъ. Такой переходъ можетъ быть представляемъ только реальностію, движущеюся по извѣстной линіи; но этотъ переходъ долженъ быть одинаково реальнымъ съ обѣихъ сторонъ линіи, а такое понятіе не примѣнимо къ линіи. Если движущаяся вещь реальна только на линіи, то она не можетъ переходить черезъ нее. Одинаково трудно видѣть, можетъ ли время имѣть, по этому взгляду, какую-нибудь продолжительность. Прошедшее было нѣкогда настоящимъ, такъ что прошедшее время составляется изъ моментовъ, которые нѣкогда были настоящими. Но если настоящее не имѣетъ никакой продолжительности, то никакая сумма настоящихъ

моментовъ не можетъ имѣть никакой продолжительности. Безполезно говорить, что время, подобно пространству, непрерывно, и что единицы того и другаго суть только произвольныя дѣленія недѣлимаго. Пространство можетъ быть дѣлимо плоскостью на правое и лѣвое, такъ что пространство направо и пространство налѣво будутъ исчерпывать собою все пространство; но это не представляетъ отношенія прошедшаго и будущаго, потому что эти два дѣленія существуютъ, какъ реальныя, въ отношеніи пространства, между тѣмъ какъ во времени они не существуютъ. Если бы пространство, занимаемое плоскостью, было единственно реально, тогда пространство также не могло бы существовать, потому что плоскость есть только предѣлъ тѣла и не занимаетъ никакого пространства. И если бы плоскость двигалась при такихъ обстоятельствахъ, она не проходила бы ни чрезъ какое пространство и не производила бы никакого тѣла, потому что каждый интегралъ тѣла уничтожался бы при самомъ своемъ возникновеніи. Плоскость продолжала бы быть всѣмъ, а пространство не было бы ничѣмъ. Это относится и ко времени. Плоскость составляетъ все; длительность вовсе не получается. Если мы пытаемся понять длительность, мы должны прибѣгнуть къ пространственнымъ примѣрамъ, которые implicite содержатъ въ себѣ противорѣчіе съ идеей времени. Время не можетъ существовать, и вещи не могутъ существовать во времени. Но если, для избѣжанія этихъ трудностей, мы допустимъ, что настоящее есть моментъ, имѣющій длительность въ собственномъ смыслѣ, тогда очевидно, что этотъ моментъ долженъ лежать отчасти въ прошедшемъ и отчасти въ будущемъ, или, другими словами, что эта длительность не неопредѣленно дѣлима. Каждое изъ такихъ предположеній

поставило бы идею времени въ противорѣчіе съ самой собою.

Понятіе о *неподвижномъ* времени находится въ грубомъ противорѣчіи со всѣми ходячими понятіями о времени; не будетъ ли нѣсколько лучше понятіе о *текущемъ* времени? Мы не будемъ настаивать на томъ, что понятіе о теченіи во времени само по себѣ есть метафора, заимствованная отъ пространства, и не можетъ быть мыслимо безъ представленія о каналѣ или почвѣ, по которымъ или чрезъ которые происходитъ теченіе. Самое это понятіе противорѣчиво. Если время, какъ цѣлое, течетъ, тогда мы имѣемъ теченіе, именно теченіе времени, которое происходитъ не во времени. Но если это теченіе внѣ времени, то почему всѣ другія теченія не могутъ быть также внѣ времени? Чтобы избѣжать этого возраженія, обыкновенно говорятъ, что не время, какъ цѣлое, течетъ, а только его отдѣльные моменты. Но такой взглядъ представляетъ возвращеніе къ понятію о неподвижномъ времени. Имъ предполагается, что время не есть сумма своихъ моментовъ; потому что если бы это было такъ, тогда теченіе моментовъ было бы теченіемъ времени, какъ цѣлаго. Время въ такомъ случаѣ было бы неподвижною почвой для проходящихъ моментовъ. Но тогда возвратились бы всѣ только что упомянутыя трудности, и мы имѣли бы добавочную проблему касательно отношенія движущихся моментовъ къ неподвижной почвѣ и между собою. Покой не объясняетъ движенія. Кромѣ того, моменты суть только произвольныя дѣленія, сдѣланныя самимъ умомъ; и если бы они не были такими, тогда трудно было бы видѣть, почему моментъ a долженъ уступать мѣсто моменту b или какъ b могло бы различаться отъ продолжаемаго a. Этотъ взглядъ, дѣйствительно, ипостасируетъ (олицетворяетъ) моменты и приписываетъ

имъ способность или силу взаимнаго исключенія и движенія впередъ. Онъ признаетъ взаимодѣйствіе между моментами и дѣлаетъ ихъ вещами. Невозможность этого взгляда очевидна сама собою. Тогда время само должно течь; но какъ теченіе времени въ самомъ себѣ могло бы отличаться отъ его нетеченія, этого невозможно показать. Каждый моментъ совершенно походитъ на каждый другой моментъ и потому неразличимъ отъ каждаго другаго момента. Отсюда въ чистомъ времени теченіе и нетеченіе были бы безразличны, не говоря уже о томъ, что текущее время нуждалось бы въ другомъ времени, чтобы течь въ немъ. Даже направленія этого теченія неясно опредѣляются въ популярномъ представленіи о времени. Направляется ли оно отъ будущаго къ прошедшему, или отъ прошедшаго къ будущему? Когда мы говоримъ о міровомъ движеніи, мы всегда мыслимъ о немъ, какъ о движущемся чрезъ прошедшее и идущемъ впередъ къ будущему и чрезъ будущее. Но когда мы говоримъ о теченіи времени, мы часто превращаемъ движеніе, и вмѣсто того, чтобы допускать переходъ отъ прошедшаго къ будущему, мы признаемъ исчезновеніе будущаго въ прошедшемъ. Это происходитъ отъ предположеній, заключающихся въ употребленной метафорѣ. Въ текущей рѣкѣ движеніе направляется къ наблюдателю съ одной стороны и отъ него съ другой; верхнее теченіе находится въ той сторонѣ, съ которой движеніе идетъ. Но движеніе времени приводитъ будущее ближе и ближе и отодвигаетъ прошедшее все далѣе и далѣе. Отсюда это движеніе мыслится идущимъ отъ будущаго къ прошедшему. Такимъ образомъ, движеніе времени устраняетъ собою движеніе вещей; и все-таки мы не колеблемся говорить о времени, какъ о текущемъ и уносящемъ всѣ вещи съ собою. Но нужно сказать, что

понятіе о неподвижномъ времени противорѣчитъ всякимъ понятіямъ о времени, а съ другой стороны, понятіе о текущемъ времени приводитъ къ умственному vacuum. Оба эти взгляда заключаютъ въ себѣ не только тайну, но даже несообразность и противорѣчіе. Своею чрезвычайною ясностью и само-очевидностью они обязаны пространственнымъ метафорамъ, въ которыхъ выражены эти ученія; а эти метафоры оказываются по изслѣдованіи несостоятельными и непримѣнимыми.

Другія функціи, которыя приписываются времени, какъ независимой реальности, еще болѣе невозможны. Время, какъ реальность, считается обусловливающимъ собою всякое измѣненіе и всякую дѣятельность; но это невозможно, если время не дѣятель. Условія измѣненія должны находиться не во времени, а только въ вещахъ. Измѣненіе всегда есть произведеніе или дѣйствіе и требуетъ для себя причины; но никто не считаетъ времени дѣятельнымъ. Съ другой стороны, если условія дѣйствія находятся на лицо, тогда нѣтъ никакой нужды во времени для ихъ осуществленія, потому что теченіе пустого времени не могло бы дать реальности какой-нибудь силы, которою оно само не обладаетъ. Вѣчность пустого времени не содержала бы въ себѣ ничего такого, чего не содержитъ въ себѣ безконечно малое время; и ни та, ни другое не служатъ источникомъ силы. Отсюда, при изслѣдованіи причинъ дѣйствія, мы оставляемъ время безъ вниманія; потому что оно не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить. Замедленіе дѣйствія, поэтому, происходитъ не отъ недостатка времени, а отъ того факта, что не всѣ причинныя условія выполнены. Не дѣлая времени причиной, мы не можемъ допустить, что измѣненіе имѣетъ какое-нибудь основаніе во времени, но должны искать его только въ онтологиче-

скихъ взаимодѣйствіяхъ вещей. Но мы не можемъ сдѣлать времени причиной безъ нарушенія всѣхъ нашихъ понятій о времени и безъ допущенія другаго времени, какъ условія его дѣйствія. Такимъ образомъ, будемъ-ли мы смотрѣть на время, какъ на неподвижное или какъ на текущее, и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно невозможно указать какое-нибудь ясное отношеніе, въ которомъ оно можетъ находиться къ вещамъ или событіямъ. Оно не дѣйствуетъ и не служитъ предметомъ дѣйствія, но остается чистымъ призракомъ внѣ бытія, ничему не способствующимъ и ничего не опредѣляющимъ собою. Имъ даже не измѣряется ничто; потому что наши единицы времени взяты не отъ времени, а отъ нѣкоторыхъ измѣненій въ вещахъ: вращенія земли, качанія маятника и т. п.

Такимъ образомъ, понятіе о времени, какъ о реальномъ существованіи, оказывается во всякомъ случаѣ соединеніемъ противорѣчій и должно быть отвергнуто. Невозможность болѣе чѣмъ одного независимаго принципа запрещаетъ намъ допускать независимое существованіе времени. Чѣмъ бы оно ни было, оно зависитъ отъ бытія, какъ слѣдствіе его. Но попытка мыслить время, какъ субстанціональный фактъ, оказывается неудачной, вслѣдствіе заключающейся въ такомъ взглядѣ неясности и противорѣчія. Этотъ взглядъ на время, если его анализировать, всегда оказывается отрицающимъ самъ себя. Понимаемое въ смыслѣ неподвижнаго или текущаго, время оказывается нелѣпымъ. Понимаемое въ смыслѣ реальности, оно не можетъ быть приведено въ какія-нибудь отношенія къ вещамъ, безъ признанія взаимодѣйствія между ними; и тогда мы нуждаемся въ новомъ времени, какъ условіи этого взаимодѣйствія, а это повело бы насъ къ безконечному регрессу.

Время, слѣдовательно, не можетъ быть разсматриваемо, какъ субстанціональный фактъ, сотворенный или несотворенный. Какъ цѣлое, время не существуетъ, и реальность не болѣе находится во времени, чѣмъ и въ пространствѣ.

4. Реальность времени, какъ она обыкновенно понимается, не можетъ быть допущена. Мы должны теперь изслѣдовать, болѣе-ли состоятельна идеальность времени. Согласно съ этимъ взглядомъ, время, подобно пространству, есть только субъективная видимость вещей и процессовъ, которые въ существѣ своемъ не-временны. Со времени Канта этотъ взглядъ сдѣлался господствующимъ въ философіи и обыкновенно считается также хорошо установленнымъ, какъ и идельность пространства; но, въ дѣйствительности, идеальность времени гораздо труднѣе понять, чѣмъ идеальность пространства. Мы имѣемъ очевидный опытъ возможности мыслить и чувствовать независимо отъ пространства. Мы не смотримъ на свою душу, какъ на пространственную, и пространственныя отношенія никоимъ образомъ не входятъ въ нашъ внутренній опытъ. Поэтому, не особенно трудно понять, что существованіе возможно независимо отъ пространства. Нельзя того же сказать относительно времени. Оно входитъ во всю нашу душевную жизнь и отнюдь не можетъ быть устранено изъ нея. Отсюда ясно, что мы не можемъ сослаться на какіе-нибудь не-временные или внѣ-временные опыты, чтобы помочь своей мысли, и намъ ничего болѣе не остается, какъ только анализировать это понятіе, съ цѣлью видѣть, можемъ-ли мы достигнуть такой точки зрѣнія, съ которой трудности, представляемыя имъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, могутъ исчезнуть. Приверженцы ученія объ идеальности времени относились слишкомъ легко къ его аргументаціи.

Всѣ они довольствовались аргументами, которые указываютъ идеальность пространства, и не обратили на время такого вниманія, какого требуютъ спеціальныя трудности этой проблемы. Мы должны разсмотрѣть попытки сдѣлать вѣроятною субъективность времени.

Если бы реальность была неизмѣнною системой вещей въ неизмѣнныхъ отношеніяхъ, подобно членамъ системы мысли или подобно идеямъ Платоновой философіи, тогда легко было бы смотрѣть на послѣдовательность вещей въ нашемъ опытѣ, какъ только на послѣдовательность знанія и какъ на происходящую отъ нашей ограниченности. Такъ, математическія истины сосуществуютъ; но мы постигаемъ ихъ послѣдовательно, не потому, чтобы онѣ реально слѣдовали одна за другою во времени, но потому, что нашъ ограниченный умъ не способенъ понять всѣ ихъ сразу. Отсюда мы часто бываемъ склонны думать, что предыдущія положенія въ геометріи предшествуютъ и служатъ основою послѣдующимъ. Но достаточно короткаго размышленія, чтобы убѣдиться, что единственное отношеніе въ данномъ случаѣ есть отношеніе логической послѣдовательности, и что кажущаяся временная послѣдовательность есть лишь отраженіе нашей собственной ограниченности, которая заставляетъ насъ постигать послѣдовательно то, что существуетъ одновременно. Совершенное знаніе истины давало бы возможность постигать ее въ простой интуиціи, и иллюзія послѣдовательности не существовала бы. Если бы міръ былъ такой системой логическихъ отношеній, то было бы вполнѣ вѣроятно, что время не только субъективно, но существуетъ только для конечнаго, будучи во всякомъ случаѣ лишь выраженіемъ или отраженіемъ ограниченной способности постиженія. Могутъ возразить, что

даже въ этомъ случаѣ мы не могли бы оспаривать реальности времени; потому что время дано не только въ движеніи внѣшняго міра, но также и преимущественно въ движеніи мысли. Но это возраженіе не имѣетъ силы, потому что такое психологическое время было бы не чѣмъ инымъ, какъ только субъективнымъ фактомъ, и не имѣло бы никакого значенія для неизмѣнной реальности или для всевѣдущаго ума, который постигалъ бы ее въ своей неизмѣнной интуиціи. Время просто было бы движеніемъ въ конечномъ умѣ, между тѣмъ какъ для безконечнаго было бы вѣчное *теперь*.

Но это соображеніе не вполнѣ примѣнимо къ данному случаю, по крайней мѣрѣ, если мы не держимся элеатскаго взгляда на бытіе. Для философіи Элеатовъ не было надобности въ идеѣ времени. Дѣйствіе и измѣненіе, по ихъ мнѣнію, не существуютъ; и вещи суть только вѣчныя слѣдствія бытія, точно также, какъ вся математика постоянно сосуществуетъ въ основныхъ аксіомахъ и интуиціяхъ. Въ такой схемѣ время не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только необъяснимою иллюзіей въ конечной мысли. Но вещи не пребываютъ въ неизмѣнныхъ логическихъ отношеніяхъ; онѣ дѣятельны и измѣнчивы. Мы должны допустить движеніе и измѣненіе какъ въ умѣ наблюдателя, такъ и въ самыхъ вещахъ. Если мы будемъ отрицать реальность времени, то причина и дѣйствіе должны сосуществовать; и дѣйствіе тогда не производится причиною, а есть только ея логическое слѣдствіе. Безъ реальнаго «прежде» и «послѣ» кажется невозможнымъ спасти динамическія отношенія реальности отъ превращенія въ чисто логическія отношенія; а это значило бы принять элеатскій взглядъ на бытіе. Этой альтернативы можно избѣжать только тогда, если будетъ доказано, что измѣ-

неніемъ не предполагается время, какъ дѣйствительное существованіе, но что время есть только субъективная видимость измѣненія. Если бы это можно было доказать, тогда не было бы никакого затрудненія въ принятіи идеальной теоріи времени.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, мы должны разсмотрѣть возраженіе, вытекающее изъ объясненія, взятаго отъ неизмѣнной системы вещей. Могутъ сказать, что хотя время само по себѣ можетъ быть разсматриваемо, какъ коррелятивъ измѣненія; но если бы не было измѣненія, неизмѣнное все-таки могло бы продолжаться. Поэтому, если бы мы приняли элеатскую идею о неизмѣнномъ бытіи, такъ что всѣ слѣдствія бытія считали бы неизмѣнно сосуществующими съ нимъ, и тогда бытіе, какъ цѣлое, имѣло бы продолженіе. Тогда не было бы никакого слѣдованія, а было бы только продолженіе. Это различеніе между временемъ и продолженіемъ, хотя оно часто появлялось, особенно въ богословіи, мы не можемъ считать состоятельнымъ; потому что продолженіе можетъ означать только непрерывное существованіе во времени, а безъ понятія времени продолженіе теряетъ всякій понятный смыслъ. Единственнымъ основаніемъ для различенія отдѣльныхъ моментовъ времени въ неизмѣнномъ была бы смѣна психическихъ состояній въ насъ самихъ; а самая эта смѣна есть измѣненіе и потому противорѣчитъ означенной гипотезѣ. Мы можемъ дать значеніе продолжительности, приписываемой неизмѣнному, только подъ условіемъ предположенія независимаго текущаго времени, которое непрерывно движется и увлекаетъ съ собою бытіе. Но такой взглядъ, какъ мы видѣли, невозможенъ, и потому нельзя допустить, чтобы продолжительность имѣла какое-нибудь примѣненіе къ неизмѣнному существованію. Такое бытіе просто *есть*,

и различіе прошедшаго и будущаго для него не существуетъ. Даже на это «есть» мы смотримъ, какъ на утвержденіе только бытія, а не какъ на форму настоящаго времени. Трудность принятія этого взгляда зависитъ отчасти отъ незамѣтнаго возвращенія къ понятію о независимомъ времени, а частію отъ того факта, что даже въ такомъ неподвижномъ состояніи мы предполагаемъ самихъ себя присутствующими со всѣми своими психическими измѣненіями.

Время, такимъ образомъ, зависитъ отъ измѣненія; и утвержденіе его идеальности должно имѣть тотъ смыслъ, что время есть только субъективное отраженіе измѣненія, или форма, въ какой мы представляемъ себѣ измѣненіе. Часто дѣлали попытку устранить время при помощи слѣдующей реторической уловки: долго и скоро суть относительныя выраженія, и наше сужденіе о продолжительности чисто субъективно. Время, которое долго для одного, коротко для другаго, смотря по состоянію духа. Для Бога тысяча лѣтъ какъ одинъ день; и даже для старика его долгая жизнь—какъ сказка, которая разсказывается. Вся исторія человѣчества ничто въ сравненіи съ періодами геологіи; а послѣдніе въ свою очередь сокращаются до минимума, если мы перейдемъ мысленно къ цикламъ астрономіи. Что же, говорятъ, всѣ конечные періоды въ сравненіи съ Тѣмъ, Кто существуетъ вѣчно? Замѣчанія такого рода, конечно, имѣютъ извѣстное значеніе для возбужденія чувства благоговѣнія и удивленія, но они лишены всякой цѣны въ философскомъ умозрѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что наше чувство продолжительности времени чисто относительно и субъективно; конечно, если бы міровой процессъ не существовалъ, какъ общій содержатель и мѣритель времени, каждый человѣкъ имѣлъ бы свое собственное время. Время су-

ществуетъ только потому, что мы измѣряемъ его по одному и тому же объективному процессу или по одному и тому же сознанію. Но прежде—и—послѣ въ мірѣ вещей не есть предметъ чувства. Относительно говоря, вся мѣра конечнаго существованія можетъ сократиться до минимума, но порядокъ времени остается неизмѣннымъ.

5. Этотъ аргументъ отчасти приведенъ былъ ранѣе, когда говорилось о времени, какъ о причинѣ измѣненія. Теперь мы продолжимъ его, указавъ на то, что измѣненіе само по себѣ не-временно или не имѣетъ различія прежде—и—послѣ. Во-первыхъ, какъ было замѣчено ранѣе, измѣненіе зависитъ не отъ времени, а отъ взаимодѣйствій вещей; и если условія измѣненія выполнены, тогда нѣтъ никакой причины, чтобы измѣненіе не послѣдовало или замедлилось. Если мы предположимъ, что время есть нѣчто такое, чего не достаетъ въ этомъ случаѣ, или что уничтожаетъ какое-нибудь препятствіе къ измѣненію, или производитъ нѣкоторое репрессивное дѣйствіе, тогда мы сдѣлаемъ время вещію съ дѣятельными силами; а такой взглядъ всякій отвергъ бы. Но если мы не сдѣлаемъ этого, тогда мы не можемъ не допустить, что выполненіе условій и наступленіе измѣненія безусловно сосуществуютъ; потому что пустое время не можетъ ничего дѣлать, и нельзя понять, почему въ такомъ случаѣ большее теченіе времени, если только эта фраза вообще что-нибудь означаетъ, должно быть болѣе дѣйственнымъ, чѣмъ меньшее теченіе. Конечно, n минутъ имѣло бы силы не болѣе, чѣмъ $^1/_n$ минутъ; и безконечное время не доставило бы ничего такого, что не содержится въ неизмѣримо маломъ времени. Интегралъ пустоты—всегда пустота, и никакое сложеніе пустоты не можетъ произвести суммы. Мы должны, поэтому, считать событіе совпадаю-

щимъ съ выполненіемъ его условій. Всякое данное измѣненіе безвременно; и невозможно открыть въ немъ какого-нибудь элемента прежде—и—послѣ. Если А становится A_1, это измѣненіе должно произойти въ недѣлимый моментъ, т.-е. можетъ не имѣть никакой продолжительности. Пока А и A_1 отдѣлены одно отъ другого даже неизмѣримо малымъ моментомъ, до тѣхъ поръ A есть A, а не A_1. Оно не прежде перестаетъ быть А и потомъ становится A_1, но перестаетъ быть А, дѣлаясь A_1. Прекращеніе и возникновеніе тожественны; они суть только противоположныя стороны одного и того же факта и не имѣютъ временнаго различія. Если мы пытаемся сдѣлать такое различіе, мы запутываемся въ неразрѣшимыя противорѣчія, какъ еще въ древности доказалъ Зенонъ. Но если становленіе или возникновеніе не-временно, тогда тѣмъ фактомъ, что реальность находится въ дѣйствіи и въ измѣненіи, не предполагается реальность времени; а прежде—и—послѣ, которыя мы различаемъ, суть только умственныя координаты, въ которыхъ мы выражаемъ формулу измѣненія; и время есть только субъективное отраженіе измѣненія.

Здѣсь сразу возникаетъ слѣдующее возраженіе: отдѣльная инстанція измѣненія, какъ напр. отъ А къ A_1, можетъ, конечно, не представлять никакого различія прежде—и—послѣ, но послѣдовательности реальнаго многочисленны и простираются отъ А до Аn; и Аn опять отдѣлено отъ А неопредѣленнымъ числомъ промежуточныхъ измѣненій. Въ міровомъ процессѣ, напр., рядъ измѣненій безпредѣленъ и тянется изъ вѣка въ вѣкъ; совершенно напрасно было бы стараться уничтожить время, устраняя его изъ отдѣльнаго измѣненія. Оно должно быть устранено изъ цѣлаго ряда, прежде чѣмъ мы можемъ отрицать его.

Какъ бы то ни было, мы не настолько поставлены въ затрудненіе этимъ возраженіемъ, какъ, повидимому, можно было бы ожидать. Въ міровомъ процессѣ происходитъ непрерывное теченіе и возникновеніе, и если переходъ отъ А къ A_1 не обнаруживаетъ никакого признака прежде—и—послѣ, тогда переходъ отъ А къ A_2 также не имѣетъ никакого признака этого рода, а отсюда и весь процессъ отъ А до An не можетъ обнаруживать его. An отдѣлено отъ А не временемъ, а промежуточными членами; и отношеніе An къ А для чистаго разума есть отношеніе не послѣдовательности, а зависимости. Это отношеніе для нашей мысли, подчиненной времени, кажется послѣдовательностію или слѣдованіемъ. Въ реальности нѣтъ никакого прежде—и—послѣ, но различнымъ образомъ обусловливающій и обусловленный комплексъ взаимно-дѣйствующимъ вещей; а прежде—и—послѣ есть только субъективная форма этихъ метафизическихъ условій и взаимодѣйствій. Но если мы будемъ настаивать на томъ, что время есть реальность въ собственномъ смыслѣ и что вещи существуютъ въ немъ, тогда мы должны допустить, что весь рядъ вещей сосуществуетъ въ настоящее время; потому что если пустое время не можетъ ничего дѣлать, ни препятствовать, ни содѣйствовать ничему, и если бытіе находится въ безпрерывномъ теченіи, то начало и конецъ должны совпадать во времени или происходить въ одинъ и тотъ же моментъ. Каждое дѣйствіе дано одновременно съ его условіями, и каждое дѣйствіе въ свою очередь становится причиною новыхъ дѣйствій; эти послѣднія подобнымъ же образомъ даны одновременно; и такимъ образомъ весь рядъ сосуществуетъ. Прежде—и—послѣ, слѣдовательно, существовали бы въ чистомъ продолженіи или въ абсолютномъ времени, между тѣмъ какъ въ вещахъ,

гдѣ мы, повидимому, прежде всего находимъ это прежде—и—послѣ, вовсе не было бы никакой послѣдовательности.

Но насъ ожидаетъ другое возраженіе, заимствованное изъ наблюденія надъ нашимъ сознаніемъ. Могутъ указать съ большою положительностію на то, что какъ бы ни было въ отношеніи міроваго процесса, мы знаемъ, что психическій процессъ заключаетъ въ себѣ время. Мы знаемъ, что мы жили въ прошедшемъ, и мы способны сравнивать его съ настоящимъ; всякая попытка сдѣлать время чисто субъективнымъ должна разбиться объ этотъ фактъ. Но рѣчь идетъ здѣсь не о фактахъ сознанія, а объ ихъ истолкованіи. Безъ сомнѣнія, духъ, какъ феноменъ, подлежитъ закону времени и послѣдовательности; но задача наша состоитъ въ томъ, чтобы узнать, существуетъ ли эта послѣдовательность, какъ объективный фактъ для чистаго разума. Если заключеніе предшествующаго изслѣдованія можетъ быть принято относительно измѣненія вообще и относительно міроваго процесса, оно должно быть принято также и относительно психическаго процесса. И наши дѣйствія всѣ совершаются въ отношеніи къ какой-нибудь фазѣ міроваго процесса; если этотъ процессъ не имѣетъ никакого различія времени, тогда и наши дѣйствія также не имѣютъ такого различія, кромѣ кажущагося. Для чистаго разума они существуютъ внѣ времени, хотя для нашей временной мысли они принимаютъ форму послѣдовательности во времени. Мы не можемъ говорить о нихъ, какъ о раздѣленныхъ во времени, не впадая въ невозможное понятіе о независимомъ времени.

Но предоставимъ идеалисту самому излагать и защищать свой взглядъ. Могутъ сказать, что всякая теорія, которая старается насъ убѣдить въ томъ, что

наши дѣйствія не имѣютъ различія даты, должна быть предоставлена сама себѣ, потому что она можетъ разрушиться просто вслѣдствіе собственной своей нелѣпости. Идеалистъ отвѣчаетъ, что это возраженіе основывается лишь на непониманіи идеальной теоріи. Говоря о реальности, какъ о непространственной, мы натолкнулись на вопросъ: слѣдовательно, вещи не раздѣлены въ пространствѣ? и, если онѣ не раздѣлены, значитъ, онѣ совпадаютъ всѣ въ пространствѣ? Отвѣтъ былъ тотъ, что для разума вещи находятся ни подлѣ, ни отдѣльно, но онѣ таковы въ своихъ метафизическихъ взаимодѣйствіяхъ, что кажутся находящимися рядомъ или отдѣльно. И мы признали, что эта видимость—не произвольный продуктъ нашего духа, безъ всякаго отношенія къ вещамъ, а только переводъ на формы чувственнаго воззрѣнія онтологическихъ процессовъ, не похожихъ на эти формы. Наше пространственное воззрѣніе, поэтому, не лишено своего основанія въ природѣ вещей, хотя оно существуетъ, какъ такое воззрѣніе, только въ воспринимающемъ умѣ. *Тоже самое оказывается истиннымъ и относительно времени.* Здѣсь также возникаетъ вопросъ: если событія не слѣдуютъ во времени, то они не сосуществуютъ-ли въ собственномъ смыслѣ, такъ что прошедшее не есть прошедшее, и будущее не есть будущее? Неронъ еще теперь сжигаетъ Римъ, и не родившійся ребенокъ уже живетъ? Отвѣтъ состоитъ въ томъ, что даже сосуществованіе, употребляемое въ такомъ смыслѣ, есть временная идея, и что событія сосуществуютъ во времени не болѣе, чѣмъ они во времени слѣдуютъ одно за другимъ, но вещи таковы, что онѣ кажутся для нашей мысли сосуществующими или слѣдующими одна за другою во времени. Эта видимость также не произвольно приписывается умомъ его объектамъ; она есть субъективная форма измѣ-

ненія и, какъ такая, она основана на вещахъ и не можетъ быть произвольно измѣнена умомъ. Эта доктрина, такимъ образомъ, не заключаетъ въ себѣ того, что событія могутъ быть считаемы сосуществующими во времени, точно также, какъ идеальность пространства не заключаетъ въ себѣ того, что вещи пространственно совпадаютъ между собою. Попытка образовать такое представленіе относительно-ли пространства, или относительно времени, означала бы совершенное непониманіе этихъ доктринъ и, конечно, была бы неудачна. Доктрины, о которыхъ идетъ рѣчь, устанавливаютъ тотъ фактъ, что пространство и время составляютъ безусловныя необходимости мысли въ извѣстной [1]) области, но запрещаютъ намъ примѣнять ихъ внѣ этой области. Таковъ отвѣтъ идеалиста.

Идеальнымъ взглядомъ на время предполагается не то, что измѣненіе можетъ быть устранено изъ вселенной или изъ душевной жизни, но скорѣе то, что самое измѣненіе, разсматриваемое съ точки зрѣнія чистаго разума, не носитъ на себѣ никакого признака различія прежде—и—послѣ. Послѣднія суть просто координаты представленія объ измѣненіи, самое же измѣненіе едино и въ отношеніи времени недѣлимо. Идеалистъ даже утверждаетъ, что ученіе, котораго держатся нѣкоторые философы, что время есть слѣдованіе или послѣдовательность, существенно не отличается отъ его собственнаго; потому что слѣдованіе есть только отношеніе между событіями и потому не способно къ объективному существованію. Кромѣ того, по этому взгляду, самое слѣдованіе происходитъ не во времени и не требуетъ времени. Утверждать, что оно происходитъ во времени,

[1]) Феноменальной.

значило бы утверждать, что слѣдованіе происходитъ въ слѣдованіи и обусловливается слѣдованіемъ. Но это ученіе, сводящее время на слѣдованіе, обыкновенно сопровождается скрытымъ предположеніемъ пустого и текущаго времени, въ которомъ слѣдованіе слѣдуетъ. Если мы устранимъ это несостоятельное и невозможное понятіе, тогда это ученіе сразу сводится на идеальный взглядъ; потому что прежде—и—послѣ въ такомъ случаѣ болѣе уже не относятся къ временному различію, а только къ отношеніямъ въ ряду послѣдовательностей. Обусловливающее есть прежде, обусловливаемое—послѣ, а прежде—и—послѣ есть только форма, въ которой умъ нашъ представляетъ себѣ это отношеніе обусловливающаго къ обусловливаемому. Различіе времени не означало бы въ объективномъ отношеніи ничего; въ субъективномъ же отношеніи оно означало бы наше присутствіе при различныхъ частяхъ ряда. Та часть ряда, съ которою мы не были въ непосредственномъ соприкосновеніи, казалась бы находящеюся или въ прошедшемъ, или въ будущемъ времени, и не было бы никакого другого признака, свидѣтельствующаго о прошедшемъ и будущемъ, кромѣ нашего субъективнаго положенія. Подобно тому, какъ каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное *здѣсь* въ пространствѣ, такъ точно каждый сознательный членъ ряда имѣлъ бы свое собственное *теперь* во времени. Этотъ взглядъ, что время есть слѣдованіе, не заключаетъ въ себѣ ничего, что мѣшало бы думать, что весь рядъ можетъ быть такимъ же настоящимъ для безусловной реальности, какъ то, что мы называемъ настоящимъ для себя. Прошедшее есть прошедшее для насъ, а будущее для насъ еще не пришло; но это различеніе не представляетъ никакого факта въ реальности, а только выражаетъ нашу собственную обусловленность. Уче-

ніе о томъ, что время есть только слѣдованіе, не можетъ избѣжать этихъ заключеній, не прибѣгая къ идеѣ независимаго времени, котораго непрерывное теченіе составляетъ основу и условіе возможности этого слѣдованія. Но такой взглядъ совершенно несостоятеленъ. Идеалистъ, далѣе, прибавляетъ, что слѣдованіе въ сознаніи, которому реалистъ даетъ такое большое значеніе, совершенно ложно имъ истолковывается; потому что для того, чтобы слѣдованіе было познано, какъ такое, познающій умъ долженъ находиться внѣ его. Если бы въ духѣ не было ничего неизмѣннаго и невременнаго, то знаніе о слѣдованіи никогда не могло бы возникнуть, потому что не было бы постояннаго масштаба, съ которымъ можно было бы его сравнивать. Духъ долженъ дѣлать свои наблюденія въ единичномъ невременномъ актѣ, для того, чтобы узнать о слѣдованіи. Идея слѣдованія не только не означаетъ собою слѣдованія идей, но она была бы невозможна, если бы это было такъ. Идеи, которыя расположены въ порядкѣ времени, должны сосуществовать въ невременномъ актѣ, посредствомъ котораго онѣ постигаются и располагаются. Идея времени также, слѣдовательно, невременна, какъ идея пространства безпространственна. Вещи, которыя воспринимаются во времени, должны, однако же, сосуществовать въ мысли, для того, чтобы быть такъ воспринимаемыми. Отсюда самая необходимость мыслить во времени доказываетъ, что чистый разумъ можетъ и долженъ переходить за предѣлы времени. Идеалистъ изъ этого опять заключаетъ, что время чисто субъективно.

6. Неужели, поэтому, нѣтъ никакого различія между прошедшимъ и будущимъ? Идеалистъ отвѣчаетъ, что есть величайшее различіе между ними, но что оно невременное. Говоря объ отношеніи времени къ

измѣненію, мы указали на то, что время не оказываетъ никакого вліянія на измѣненіе, и что рядъ: A, A_1, A_2, A_3... A_n, посредствомъ котораго мы представляемъ себѣ міровой процессъ, въ существѣ своемъ не-временень. Мы просто имѣемъ отношеніе причины и дѣйствія, безъ всякой прибавки временнаго элемента; и понятіе о времени можетъ быть только переводомъ этой причинной связи на термины слѣдованія или послѣдовательности. Если, теперь, мы предположимъ, что среди этого процесса, напр. въ пунктѣ A_m, находится нѣкоторое воспринимающее существо, которое могло бы различать порядокъ зависимости между членами ряда, оно замѣтило бы, что каждый членъ обусловленъ предшествующимъ членомъ и обусловливаетъ собою послѣдующій членъ. A_m обусловлено A_{m-1} и обусловливаетъ собою A_{m+1}. Попытка представить это отношеніе въ мысли имѣетъ своимъ результатомъ превращеніе его во временную схему, въ которой причина дѣлается предыдущимъ, а дѣйствіе — послѣдующимъ. Предшествованіе и слѣдованіе есть всеобщая форма, въ которой умъ представляетъ себѣ причинность; но если обсудить этотъ предметъ, оказывается, что время не входитъ въ реальность, а только въ видимость. Но возвратимся къ существу, которое мы предположили находящимся въ пунктѣ A_m; для этого существа его собственное положеніе будетъ составлять настоящее. Оно будетъ видѣть, что A_m обусловливаетъ собою всѣ высшіе члены ряда, и потому оно будетъ помѣщать ихъ въ будущемъ и будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на ближайшіе или отдаленные, смотря по сложности ихъ обусловленности. A_{m+1} будетъ обусловлено только A_m, между тѣмъ. какъ A_{m+2} будетъ обусловлено и A_m, и A_{m+1}; поэтому, оно будетъ помѣщаться далѣе въ рядѣ. Это существо замѣтитъ, далѣе, что всѣ

низшіе члены ряда обусловливаютъ собою A_m, или его настоящее, и потому оно будетъ помѣщать ихъ въ прошедшемъ, притомъ на большемъ или меньшемъ отъ себя разстояніи, смотря по ихъ отношеніямъ къ A_m. Если бы въ этомъ рядѣ предположенное нами существо усмотрѣло какой-нибудь необусловленный членъ, регрессъ остановился бы въ этомъ пунктѣ, и этотъ членъ представлялся бы вѣчнымъ. Такимъ образомъ, стремленіе представить себѣ зависимость въ формѣ временнаго предшествованія и слѣдованія произвело бы въ такомъ существѣ воспріятіе временнаго ряда, даже въ совершенно не-временной системѣ. Нельзя отрицать такого стремленія въ человѣческомъ духѣ; потому что оно такъ сильно, что мы всегда склонны разрѣшить логическую и динамическую послѣдовательность во временную послѣдовательность. Но мы видѣли, что динамическая послѣдовательность не носитъ въ себѣ никакихъ признаковъ времени, и потому мы должны заключить, что временной порядокъ вещей существуетъ только въ мысли и есть чисто продуктъ наблюдающаго ума.

7. Идеалистъ подробно изложилъ свой взглядъ; но сомнительно, можетъ-ли самъ онъ удовлетвориться этимъ взглядомъ. Когда онъ началъ свое изложеніе, его цѣлью было показать, что измѣненіе не требуетъ времени; но въ концѣ концовъ измѣненіе исчезаетъ, и его мѣсто занимаетъ зависимость. Здѣсь цѣль его — показать, какъ въ не-временной системѣ обусловливающихъ и обусловленныхъ членовъ можетъ возникать видимость времени, какъ форма, въ которой мы представляемъ себѣ зависимость. Но это собственно перемѣна фронта, которую нельзя не признать безуспѣшной. Вопросъ все-таки долженъ быть сведенъ на природу измѣненія и его отношеніе ко времени. Въ нашемъ временномъ опытѣ есть одинъ фактъ,

который оказывается роковымъ для попытки поставить зависимость на мѣсто измѣненія. Въ самомъ дѣлѣ, легко понять, что въ системѣ, чуждой измѣненія, отношеніе зависимости представлялось бы, какъ отношеніе прежде и послѣ, такъ что для каждаго изъ существъ, находящихся въ различныхъ пунктахъ системы, всѣ нижніе члены казались бы существующими въ прошедшемъ, а всѣ верхніе члены — въ будущемъ. Но въ такомъ случаѣ каждое существо имѣло бы одно постоянное настоящее. Существо, находящееся въ A_m, имѣло бы всегда свое настоящееся въ A_m; прошедшее и будущее также были бы для него постоянными величинами въ опытѣ. Но этого нѣтъ. A_m не остается настоящимъ, но тотчасъ уступаетъ свое мѣсто A_{m+1}; а это послѣднее въ свою очередь замѣщается A_{m+2}. Такимъ образомъ, будущее есть вѣчно становящееся настоящее, исчезающее въ прошедшемъ. Но этотъ фактъ былъ бы невозможенъ, если бы въ реальности не было измѣненія. Поэтому, измѣненіе никогда нельзя сдѣлать только феноменальнымъ; оно есть фактъ самой реальности.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію попытки идеалиста устранить время изъ измѣненія. Его утвержденіе, что между измѣненіями нѣтъ никакого пустого времени, какъ бы ни былъ длиненъ рядъ, вѣрно. Мы также присоединяемся къ нему въ отрицаніи времени, какъ независимой реальности, и мы доказывали ранѣе, что если бы время было реальнымъ, всѣ событія должны были бы сосуществовать. Но есть одинъ пунктъ, который онъ упустилъ изъ виду. То, что находится между A и A_n, есть не время, но промежуточные члены ряда и соотвѣтствующія измѣненія. И такъ какъ нѣтъ никакого независимаго времени, то эти члены не могутъ быть названы сосуществующими. Чтобы это было возможно, нужно

возвратиться къ тому же самому понятію объ абсолютномъ времени, которое мы отвергли. Но существованіе какого-либо изъ этихъ многихъ членовъ исключаетъ существованіе всѣхъ остальныхъ. Члены пространственнаго ряда могутъ сосуществовать, но члены временнаго ряда взаимно исключаются одинъ другимъ. Въ этомъ состоитъ различіе между этими двумя рядами; и это взаимное исключеніе членовъ дѣлаетъ невозможнымъ когда-либо считать члены временнаго ряда сосуществующими. Всякій разъ, когда мы считаемъ это возможнымъ, на самомъ дѣлѣ мы ошибочно принимаемъ пространственный рядъ за временной рядъ; и въ это заблужденіе очень легко впасть, благодаря тому факту, что мы всегда мыслимъ время подъ пространственными формами. Возвращаясь теперь къ критикѣ воззрѣній идеалиста, мы находимъ, что онъ заблуждается 1) въ томъ, что старается доказать сосуществованіе всѣхъ вещей въ одномъ моментѣ абсолютнаго времени, и 2) въ томъ, что смѣшиваетъ пространственныя метафоры съ временною реальностію. Онъ утверждаетъ, что такъ какъ время не есть независимая реальность, то мы не можемъ сказать, что слѣдованіе или послѣдовательность имѣетъ мѣсто во времени. Слѣдованіе происходитъ не во времени, и различіе времени означаетъ только различіе положенія въ ряду. Отсюда онъ доказываетъ, что какое-нибудь существо можетъ быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ каждымъ членомъ ряда, и что для этого существа весь рядъ можетъ сосуществовать. Въ этомъ замѣчаніи идеалистъ подвергается вводящему въ обманъ вліянію пространственной метафоры, посредствомъ которой онъ представляетъ себѣ временной рядъ; и, далѣе, онъ совершенно упускаетъ изъ виду одну особенность временнаго ряда, именно то, что его члены исключаются одинъ другимъ. Этотъ

фактъ опровергаетъ парадоксальное утвержденіе, что событія или сосуществуютъ, или не сосуществуютъ. Если бы время просто было отношеніемъ зависимости, тогда не было бы никакого общаго времени, въ которомъ вещи сосуществуютъ; но оно, кромѣ того, есть рядъ, въ которомъ одинъ членъ существуетъ съ исключеніемъ всѣхъ остальныхъ. Поэтому, нельзя сказать просто, что другіе члены существуютъ въ не-временной сферѣ; но они совсѣмъ не существуютъ. Въ остальномъ изложеніе идеалиста вѣрно. Рядъ: A, A_1, A_2, A_3... A_n находится не во времени, и между A и A_n нѣтъ никакого времени. И *A* не ранѣе, чѣмъ A_n въ какомъ-нибудь абсолютномъ времени; потому что то, что дѣлаетъ вещь существующею раньше или позже, есть ея положеніе въ рядѣ. Но A и A_n, хотя и не раздѣлены въ какомъ-нибудь абсолютномъ времени, тѣмъ не менѣе не сосуществуютъ; потому что ихъ отношенія таковы, что существованіемъ одного изъ нихъ исключается существованіе другаго. Объективный фактъ состоитъ въ томъ, что бытіе переходитъ изъ одного состоянія въ другое; и эти состоянія взаимно исключаются одно другимъ. Измѣненіе, конечно, не требуетъ времени; но оно имѣетъ своимъ результатомъ новое состояніе, которое исключаетъ ему предшествующее и потому слѣдуетъ за нимъ. Этотъ фактъ измѣненія есть основной. Онъ не во времени и не требуетъ времени; но онъ обусловливаетъ собою время; и время есть только форма измѣненія. По обычному взгляду, время существуетъ, какъ предварительное условіе измѣненія; по научному взгляду, измѣненіе есть первое, а время только его форма. Оно не имѣетъ никакой другой реальности.

8. Сейчасъ изложенный взглядъ на время представляетъ компромиссъ между идеальнымъ и ходя-

чимъ воззрѣніями на него. Абсолютное время, или время, какъ независимая реальность, составляетъ чисто продуктъ нашего мышленія. Въ этомъ смыслѣ слѣдовательно, міръ не во времени. Но измѣненіе реально, а измѣненіе не можетъ быть понято безъ идеи слѣдованія или послѣдовательности. Въ этомъ смыслѣ, міровой процессъ во времени Но различіе времени не зависитъ отъ какого-нибудь теченія абсолютнаго времени, а отъ теченія реальности и отъ положенія вещей въ этомъ теченіи. Если говорится, что есть время между различными членами ряда, это означаетъ только то, что реальность измѣняется, переходя изъ одного состоянія въ другое; и продолжительность времени не просто измѣряется продолжительностію измѣненія, но ничего нѣтъ, кромѣ продолжительности измѣненія. Мѣра измѣненія есть мѣра времени; и прекращеніе измѣненія было бы прекращеніемъ времени. Съ устраненіемъ абсолютнаго времени, настоящее получаетъ новое значеніе. Оно болѣе уже не простая плоскость, отдѣляющая прошедшее отъ будущаго, но оно реально, какъ отдѣльное отъ того, что было реально или что будетъ реально. Настоящія мысли суть тѣ, которыя мы дѣйствительно имѣемъ. Настоящія состоянія не суть тѣ состоянія, которыя существуютъ въ настоящее время, потому что нѣтъ никакого времени; но они суть состоянія, въ которыхъ реальность дѣйствительно выражается. Данное состояніе есть настоящее, пока оно продолжается, и данная вещь существуетъ въ настоящее время, пока она продолжаетъ существовать. Такое словоупотребленіе находится въ совершенномъ согласіи съ обычнымъ. Мы говоримъ о настоящемъ мірѣ, разумѣя существующую его систему. Мы говоримъ также о настоящей жизни и при этомъ разумѣемъ всегда жизнь, которая дѣйствительно реальна. Однако же реаль-

ность не въ настоящемъ, но посредствомъ своего дѣйствительнаго существованія она составлятъ настоящее. Быть реальнымъ въ бытіи и быть настоящимъ во времени суть фразы тожественнаго смысла.

Отрицаніе абсолютнаго времени и отожествленіе времени съ измѣненіемъ ведетъ къ вопросу относительно единства времени. Не можетъ-ли измѣненіе въ различныхъ существахъ имѣть различную мѣру, такъ что каждое существо имѣло бы свое собственное время? Въ отвѣтъ на это, должно быть допущено, что единство и пространства, и времени первоначально индивидуально. Индивидуальное воззрѣніе на пространство будетъ всегда единично; но единство и фактъ общаго времени зависятъ отъ существованія общаго процесса. Первоначально мѣра времени также индивидуальна. Только міръ мыслящихъ существъ, если бы онъ одинъ существовалъ, не имѣлъ бы общей мѣры времени; и каждое изъ нихъ судило бы о времени по измѣненіямъ въ своемъ собственномъ сознаніи. Психологическое время, въ отличіе отъ объективнаго времени, одно только существовало бы тогда. Невозможность соглашенія въ такомъ случаѣ доказывается различными сужденіями, которыя мы образуемъ о времени, сообразно съ своими обстоятельствами. Но сосуществованіе мыслящихъ существъ съ независимою реальностію, которая также находится въ непрерывномъ измѣненіи, дѣлаетъ ихъ способными сравнивать свое индивидуальное время съ общею мѣрою времени; и такимъ образомъ міровой процессъ доставляетъ нашему уму регуляторъ, по которому мы можемъ составлять свои сужденія о времени. Безъ этого процесса единство времени исчезло бы во множествѣ индивидуальныхъ временъ, также не соотносящихся между собою, какъ времена и пространства одного сновидѣнія не имѣютъ никакого

соотношенія къ временамъ и пространствамъ другого сновидѣнія. Вопросъ о томъ, постояненъ-ли самъ по себѣ міровой процессъ, не допускаетъ никакого рѣшенія. Чтобы рѣшить его, мы должны или предположить абсолютное время, котораго моменты текутъ въ неизмѣнной мѣрѣ, или мы должны сравнить этотъ міровой процессъ съ другимъ, который нужно предположить, какъ постоянный. Но мы ничего не выиграли бы ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Если теченіе абсолютнаго времени означаетъ что-нибудь, то постоянство его мѣры было бы гипотетическимъ. Второй міровой процессъ, съ которымъ мы стали бы сравнивать первый, былъ бы только фикціей абстрактнаго мышленія. Существующій міровой процессъ есть основной фактъ; и своимъ постояннымъ движеніемъ впередъ онъ обусловливаетъ время и всѣ временныя мѣры.

Реальность, находящаяся въ дѣятельности, представляетъ собою основной фактъ бытія; путемъ абстракціи общихъ чертъ отъ направленій этой дѣятельности, мы приходимъ къ законамъ духа и природы. Духъ не есть нѣчто такое, что повинуется законамъ мысли; но онъ существуетъ, какъ мыслящее существо, и такимъ образомъ обусловливаетъ собою законы мысли. Эти законы выражаютъ не что иное, какъ модусы духовной дѣятельности, и составляютъ просто отвлеченія отъ этихъ модусовъ. Подобнымъ же образомъ законы природы выражаютъ только формы, въ которыхъ дѣйствуетъ абсолютная реальность. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ мы, послѣ образованія понятія о законѣ, отодвигаемъ этотъ законъ за реальность и смотримъ на него, какъ на прежде существующую необходимость, которой реальность должна подчиняться. Затѣмъ мы говоримъ о царствѣ закона, а не видимъ того, что на самомъ дѣлѣ мы стараем-

ся подчинить реальность ея собственнымъ слѣдствіямъ. То же самое заблужденіе является въ нашемъ понятіи о времени. Объективный фактъ есть реальность въ дѣйствіи, и посредствомъ своего дѣйствія она обусловливаетъ порядокъ измѣненія и возникновенія. Но путемъ отвлеченія отъ этого порядка мы получаемъ пустую форму измѣненія, и затѣмъ мы возводимъ ее на степень прежде-существующей необходимости, которая обусловливаетъ собою все бытіе. Но здѣсь опять мы ошибочно принимаемъ абстракцію за фактъ и подчиняемъ реальность ея собственнымъ слѣдствіямъ. Тотъ принципъ, который требуетъ, чтобы дѣятельность бытія была послѣдовательною, не должно обосновывать внѣ бытія на какой-то прежде-существующей области неизмѣримой и непостижимой необходимости, но должно искать его основанія въ самомъ бытіи. Въ этомъ смыслѣ время, подобно пространству, есть принципъ бытія; и оно обусловливаетъ собою бытіе не какъ внѣшній фактъ, но какъ внутренній принципъ.

9. Остается только разсмотрѣть отношеніе времени къ Безконечному. Результаты, достигнутые въ предшествующемъ изслѣдованіи, приводятъ къ такому заключенію. Существо, которое вполнѣ владѣетъ само собой, такъ что постигаетъ само себя непосредственно, было бы не во времени. Такое существо можетъ быть понимаемо, какъ имѣющее неизмѣнное значеніе и неизмѣнную жизнь. Какъ такое, оно не нуждалось бы въ памяти и было бы чуждо всякаго ожиданія, но пребывало бы въ абсолютномъ наслажденіи само собою. Для такого существа только настоящее существовало бы, и Его *теперь* было бы вѣчнымъ. Для тѣхъ, кто смотритъ на Безконечное, какъ на такое существо, Безконечное должно имѣть въ собственномъ смыслѣ не-временное существованіе. Вся-

кое измѣненіе въ Безконечномъ, понимаемомъ такимъ образомъ, было бы не послѣдовательностію различныхъ состояній, а непрерывнымъ сохраненіемъ одного и того же состоянія. Если выразить это рядомъ, порядокъ состояній долженъ быть не A, A_1, A_2 и т. д., но A, A, A, A и т. д.. а это приводило бы просто къ A. Здѣсь не было бы ни прошедшаго, ни будущаго, но лишь пребывающее настоящее. Съ другой стороны, мы не можемъ смотрѣть на Безконечное, какъ на движущееся чрезъ рядъ: A, A_1, A_2, A_3 и т. д. и какъ на обусловленное само въ себѣ такимъ образомъ, что Оно можетъ реализировать эти состоянія только послѣдовательно. Въ такомъ случаѣ Безконечное было бы во времени такъ же, какъ что-либо существуетъ во времени, т. е. Его развитіе было бы послѣдовательнымъ. Но это — только понятіе о слѣпой эволюціи и для насъ не имѣетъ никакого значенія. Съ теистической точки зрѣнія Безконечное должно быть разсматриваемо, какъ обладающее вѣчнымъ *теперь*. На Бога, слѣдовательно, нельзя смотрѣть, какъ на существо, обусловленное временемъ въ отношеніи Его собственнаго самосознанія и воли. Съ чисто онтологической точки зрѣнія бытіе есть процессъ, и постоянный, устойчивый пунктъ не можетъ быть найденъ въ какомъ нибудь неизмѣнномъ ядрѣ субстанціи, а только въ личности. Богъ независимъ отъ времени въ своемъ существованіи не какъ абсолютное существо, но какъ абсолютная личность. Только самососредоточенная и всегда сама себѣ равная личность могла бы выйти изъ условій и сферы времени.

Но Богъ не только есть абсолютная личность безъ прошедшаго и будущаго; Онъ также началоположникъ и руководитель міроваго процесса. Этотъ фактъ ставитъ идею о Богѣ въ новое отношеніе ко време-

ни. Этотъ процессъ есть измѣняющійся и развивающійся процессъ; слѣдовательно, онъ во времени. Отсюда дѣятельность Бога въ этомъ процессѣ существенно есть временная дѣятельность, и Богъ самъ во времени, поскольку касается этого процесса. Но здѣсь опять также есть не-временной элементъ. Какъ обнимающее собою всѣ возможности процесса, божественное знаніе системы міра можетъ быть разсматриваемо, какъ не имѣющее слѣдованія, и потому какъ не-временное. Но такъ какъ Богъ — главный дѣятель въ процессѣ и такъ какъ Онъ постоянно принимаетъ дѣятельное участіе въ различныхъ стадіяхъ процесса, то и Его дѣятельность, и Его знаніе движущейся впередъ реальности должны быть во времени. Неизмѣнное знаніе идеальнаго возможно, но неизмѣнное знаніе измѣняющейся реальности есть противорѣчіе. Знаніе реальности въ какой-нибудь моментъ должно обнимать реальность, какъ она есть; и если въ слѣдующій моментъ реальность измѣнилась, знаніе также должно соотвѣтственно этому измѣниться. Слѣдовательно, Безконечное должно быть во времени, поскольку касается міроваго процесса, поскольку этотъ процессъ требуетъ слѣдованія или послѣдовательности и въ дѣйствіи, и въ знаніи.

БИБЛІОТЕКА